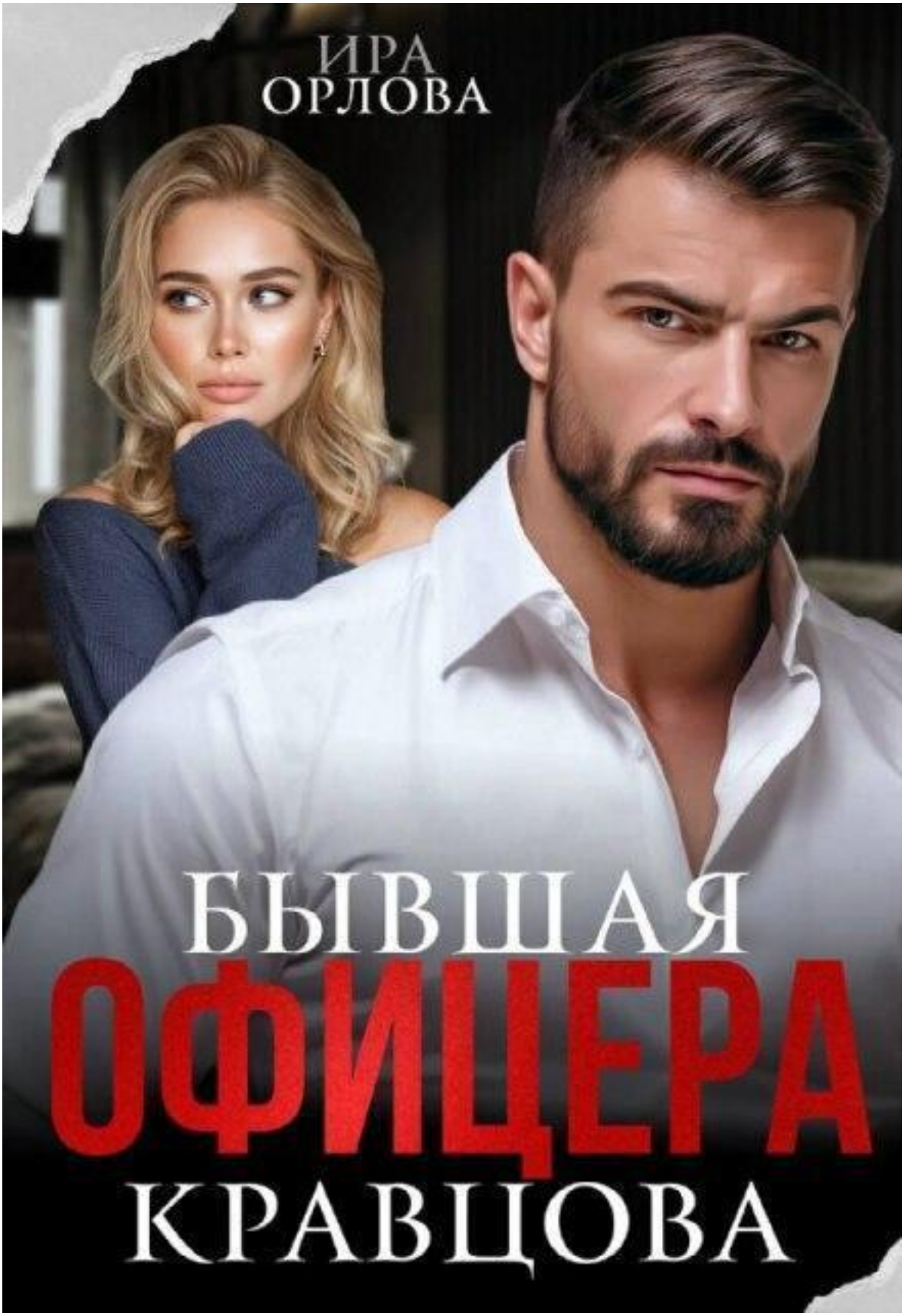

ИРА
ОРЛОВА
БЫВШАЯ
ОФИЦЕРА
КРАВЦОВА

Ира Орлова

Бывшая офицера Кравцова

«Литнет»
2026

Орлова И.

Бывшая офицера Кравцова / И. Орлова — «Литнет», 2026

– Чей это пацан?! – орёт не своим от злости голосом мужчина, сжимая в огромном кулаке футболку моего сына.«Твой», — хочется выплюнуть ему в лицо.Но я молчу.Потому что мужик в бешенстве — мой бывший, Илья Кравцов.Тот самый, кто много лет назад сказал по телефону, что полюбил другую и бросил меня беременную.А теперь жизнь свела нас снова.Что с лицом, милый? Не ожидал, что буду лучше и краше с годами?Так что теперь не ходи за мной. Не смотри волком.И не пытайся вернуть то, что сам уничтожил.Я не простила.И не собираюсь.Вот только прошлое возвращается именно тогда, когда ты уже научилась жить без него.Книга участница литмоба "Слабость офицера"

© Орлова И., 2026
© Литнет, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 6
Визуалы 7
Глава 3 8
Глава 4 12
Глава 5 16
Глава 6 20
Глава 7 24
Глава 8 27
Глава 9 33
Глава 10 38
Глава 11 42
Глава 12 46
Глава 13 51
Глава 14 55
Глава 15 60
Глава 16 62
Глава 17 65
Глава 18 71
Глава 19 76
Глава 20 80
Глава 21 83
Глава 22 86
Глава 23 89
Глава 24 93
Конец ознакомительного фрагмента. 94

Глава 1

– Он не выходит на связь, потому что у него есть кто-то ещё, – тоном всезнайки заявляет мама. – Это же очевидно, Тамара. Сколько можно делать вид, что ты глупая?

Я стараюсь не реагировать слишком остро. Кручу в руках кружку с давно остывшим чаем и мысленно считаю до десяти.

– Мам, – произношу примирительно. – У него работа. Связь там… не всегда есть.

– Ага, – фыркает она и её даже передергивает от моей непробиваемости. – У всех у них работа. Особенно у тех, кто в Москву катается. Сначала звонки реже, потом смены всё чаще. И в итоге он тебе принесет букет венерических. Я таких, как твой Илья, насквозь вижу.

Мама всегда произносит его имя с таким презрением, будто речь идёт не о человеке, а о плесени.

– Я ему верю, – цежу сквозь зубы. – Илья меня любит. И мы вместе уже почти два года.

– Как же, – язвит она. – Живёте без росписи, как… – мама замолкает, но я и так знаю те слова, которыми она характеризует наш союз. Она обычно произносит их взглядом. – А он гуляет там в своё удовольствие, пока ты тут сидишь и ждёшь его, как верная дурочка.

Сердце неприятно сжимается. Не потому что я ей верю. А потому что она попадает в больное место.

Илюша и правда не выходит на связь уже вторую неделю. Такое впервые. Душа и так не на месте, так еще и мама, как всегда, добавляет масла в огонь.

– Он не такой, – повторяю упрямо. – И если ты думаешь, что я сейчас с тобой буду обсуждать его измены, которых не было…

– Не было? – она наклоняется ко мне через стол. – А ты уверена? Он тебе что, отчёт присылает? Или ты свечку держала?

Я резко встаю. Нет. Это выше моих сил.

– Хватит! – рявкаю на мать. – Хватит лезть в мою жизнь. Я у тебя советов не спрашивала.

Она поджимает обиженно губы.

– Я тебя предупреждаю, Тамара. Ты молодая, глупая. Он старше, хитрее. Таких, как ты, используют, а потом выбрасывают. А если ты вдруг… – мама окидывает меня взглядом полным неприязни, – …залетишь, то это вообще конец будет.

– Ты вообще себя слышишь? – шепчу в шоке. – Что ты несёшь?

– Я не несу, я думаю. В отличие от тебя. И у меня мозги...

Мой телефон на столе вздрагивает и начинает вибрировать.

Мы обе переводим на него взгляды и на экране загорается фото Ильи. Наконец-то...

Глава 2

Сердце ухает куда-то в живот. В ушах долбит пульс, и я на секунду перестаю дышать.

Как же я переживала. Как скучала по нему...

Я хватаю телефон и ухожу в коридор, хлопнув дверью так, что стекло в серванте звякает.

– Алло, – выдыхаю облегченно.

На том конце играет негромко музыка, чей-то приглушенный смех и голоса.

– Илюш, ты где? – спрашиваю в волнении. – Почему ты столько недоступен был? Я уже…

Он перебивает.

– Том… – убийственно ровно и спокойно произносит любимый. – Слушай. Я не приеду...

У меня подгибаются колени. Я опираюсь плечом о стену.

– В смысле? – из груди выоывается нервный смешок. – Что значит “не приеду”?

Музыка становится громче, потом снова стихает.

– Я здесь остаюсь. В столице. Здесь перспектив больше. В нашу дыру я больше не вернусь. Да и... у меня другая жизнь. Мне здесь хорошо.

– Другая жизнь? – я почти смеюсь. – Это как?

– Я полюбил другую, – говорит он резко, будто ставит точку. – И возвращаться я не собираюсь.

Я закрываю глаза. В голове пусто.

– Ты… – начинаю и понимаю, что дальше ничего не будет. Я просто не знаю, что сказать человеку, который только что вычеркнул меня из своей жизни.

– Так бывает, Том, – тон у него становится жёстче. – Мы не женаты еще, нас особо ничто не связывает. Ключи можешь в почтовом ящике оставить, мать потом заберет.

– Я поняла тебя, – произношу холодно и на удивление ровно. – Всё?

Илья молчит. Музыка на фоне гремит, будто издеваясь.

– Прости меня, Тома, – говорит он вдруг тихо.

И кладёт трубку.

Телефон гаснет в моей руке.

Визуалы

Добро пожаловать в третью книгу цикла СЛОЖНЫЙ ВЫБОР!

Мой цикл "Сложный выбор" – это истории, где нет простых решений. Каждый герой сталкивается с ситуацией, в которой хочется и правильно, и по-настоящему, а так редко совпадает. Книги в цикле самостоятельные по сюжету, но связаны атмосферой, пересекающимися персонажами и тем самой дилеммой «сердце или разум».

Мне очень важна ваша поддержка. Ваши лайки и комментарии помогают продвигать книгу и тогда ее видит гораздо больше читателей.

Поэтому буду благодарна, если вы нажмете МНЕ НРАВИТСЯ.

А пока посмотрим на героев поближе.

Илья Кравцов

Тамара Левина

Глава 3

Я стою в ванной и не моргая смотрю на тест.

Две полоски. Я беременна.

Сломанной куклой опускаюсь на край ванны.

Мы с Ильёй к свадьбе готовились.

Он потому и поехал работать в столицу. Там деньги.

Мы выбирали кольца по картинкам, спорили, какую музыку поставить на первый танец, я откладывала на платье и делала ногти соседкам, чтобы ещё пару тысяч кинуть в нашу копилку.

И главное — мы хотели семью.

Свой дом, ребёнка. Поэтому я жила без страха и оглядки. Мне казалось, что у меня есть крепкая, мужская спина, за которую можно спрятаться.

А теперь…

Теперь я одна, мне девятнадцать...

И эти две полоски, будто приговор. Жизнь кончена.

Куда я с ребенком? Ни работы нормальной. Ни своего угла.

Я еще учусь. Подрабатываю мастером маникюра.

Боже...

Включаю воду до упора. Подставляю дрожащие ладони под ледяную струю. Умываю пылающее лицо. Вода обжигает холодом, но не приводит в чувства.

Смотрю на себя в зеркало и не узнаю.

Лицо серое, глаза огромные. Девочка, которая ещё неделю назад верила в любовь и любила...

Илья не узнает.

Принимаю это решение моментально. Он не хочет возвращаться, у него другая. Зачем ему мой ребенок?

Не нужен.

Я уже неделю как снова живу у матери и за это время Илья не отправил ни одного сообщения.

А для меня каждый день здесь самая настоящая пытка.

– Я тебе говорила?

Она не кричит. Ей и не надо. Она умеет давить морально. Вздохами. Взглядами. Тем, как ставит передо мной тарелку и тут же убирает, если я не начинаю есть сразу.

Я вытираю руки полотенцем и смотрю снова на тест. Беру его и выхожу на кухню.

Мать сидит за столом, и её взгляд сверлит меня ещё до того, как она видит, что у меня в руке.

Стоит ей сместить ракурс зрения, как глаза расширяются.

– Ну что? – спрашивает она тихо. – Допрыгалась?

Я молчу. Просто кладу тест на стол.

Она смотрит. Секунду. Вторую.

– Всё-таки залетела, – зло цедит сквозь зубы и откидывается на спинку стула. – Ну конечно. А чего я ждала?

Мне хочется, чтобы она хоть на секунду испугалась. Чтобы сказала: “Господи, Тамара…” Чтобы встала, обняла. Чтобы спросила, как я себя чувствую. Сколько задержка. Не тошнит ли.

Но она уже заводится.

– Это позор, – говорит жёстко. – Ты понимаешь, что это позор на весь город? Он тебя бросил, а ты ещё и с брюхом теперь. Людям в глаза как смотреть?

– Мам… – начинаю я.

– Что мам? – она вскакивает. – Я тебе что говорила? До свадьбы ни-ни! А ты? Любовь у неё! Вот и налюбилась!

Я чувствую, как внутри окончательно умирает вера в ее любовь и сострадание.

– Надо делать аборт, – продолжает она, будто речь идёт о простуде. – Быстро. Пока не поздно. Я узнаю, где. Запишу. Потом найдёшь себе нормального мужика.

Она машет рукой в сторону окна.

– Да хоть вон Саньку с автосервиса. Не красавец, зато свой. А этот твой… – она морщится, будто слово противно произносить. – …Илюша. Поматросил и бросил.

Мать продолжает говорить и расписывать мне перспективное, по ее меркам, будущее. А я в этот момент четко понимаю.

Она не за меня беспокоится. А о себе печется. Ее больше волнует, что скажут соседи, как посмотрят на нее, чем родная дочь.

– Ты правда думаешь, что я этого ждала? – спрашиваю тихо.

– Чего? – хмурится она недовольно.

– Что ты скажешь позор и отправишь меня на аборт.

Она открывает рот, чтобы ответить, но я уже не слушаю.

– Я уеду, – говорю спокойно. – Чтобы не позорить тебя.

– Куда ты уедешь? – усмехается она. – Кому ты там нужна? С пузом? Без мужика?

– Не знаю, – честно отвечаю я. – Но здесь я точно не останусь.

Разворачиваюсь и иду в комнату. Сердце колотится, но внутри вдруг становится удивительно спокойно.

Я быстро кидаю в сумку вещи. Самое необходимое. Документы. Деньги, которые мы откладывали на свадьбу.

Застёгиваю сумку и выхожу в коридор.

Мать стоит на кухне, скрестив руки.

– Ты пожалеешь, – бросает она мне вслед. – Очень пожалеешь.

Я обуваюсь, открываю дверь и не оборачиваясь покидаю некогда родной дом.

Уже по дороге на вокзал, набираю свою двоюродную сестру.

– Алло? – голос у Лерки сонный. – Том? Ты чего в такую рань?

– Лер, – шепчу глотая слезы. – Мне нужно уехать. Можно к тебе? В Питер.

– Конечно, – отвечает она сразу. – Приезжай.

Я уезжаю. Беременная. В другой город.

Но почему-то именно сейчас мне кажется, что я наконец делаю правильный выбор.

Милые дамы, приглашаю вас в новинку нашего моба!

Жестокое сердце офицера

Маша Демина

https://litnet.com/shrt/Guy0

Рядовой Красивая! Принимай бойца на ЭКГ!

Как тебя занесло сюда, Красивая? И какое мне ЭКГ, если мое сердце сейчас вырвется из груди. Это залет, Ярцев. Конкретный такой залет. Главное теперь распетлять все с наименьшими потерями, если такое возможно…

——

Молодой офицер Денис Ярцев по распределению попадает служить на Север. Гарнизон «Белый Яр» — место, оторванное от мира. Черные вулканические острова Заполярья, тундра с суровыми ураганными ветрами и трехметровыми сугробами. Место, где он ожидал встретить белого медведя, но никак не хрупкую девушку, с которой провел ночь перед отлетом из столицы, оставил мирно спать в постели и ушел, даже не узнав ее имени.

https://litnet.com/shrt/GnI-

Глава 4

Петербург встречает меня сыростью.

Не открытками с Невским, не белыми ночами и не романтикой мостов, а тяжёлым влажным воздухом. Я выхожу с сумкой из поезда, оглядываюсь на серое небо и впервые по-настоящему пугаюсь.

Я здесь никто и ничто.

Беременная девчонка из маленького городка с одной сумкой и гордостью, которая не даёт вернуться назад.

Лера встречает меня у колонны возле выхода. Я узнаю её не сразу. Мы с детства виделись пару раз, и в памяти она была другой. Сейчас передо мной взрослая девушка в растянутой толстовке, джинсах и с собранными кое-как волосами.

Она смотрит на меня секунду и делает шаг вперёд без раздумий.

– Ну ты и дурында, – ворчит она, но по-доброму, почти облегчённо. – Могла раньше предупредить. Я бы… не знаю… хотя бы отпуск взяла. Питер тебе показала бы.

И я сдаюсь.

Плачу прямо там, у колонны, посреди вокзальной суеты. Плачу так, что не могу остановиться. И мне не стыдно. Стыд уже где-то там, в прошлом. Он остался у мамы на кухне, между словом “позор” и её холодным взглядом. Здесь стыд не работает. Здесь работает только голая правда: я одна, и мне страшно.

– Тише, Том… – говорит она в макушку. – Тише. Сейчас домой поедем. Всё расскажешь.

С этого дня мы живём с Лерой в её съёмной однокомнатной квартире. Маленькой, скромной. Где диван скрипучий и раскладывается через раз.

Лера спит у стены, я с краю. Ближе к ванной.

Она понимает меня лучше всех. И не потому что мы прям родные души, а потому что она сама ушла из дома в девятнадцать от своей матери. Такой же жёсткой, язвительной, правильной до скрежета зубов.

Всё же кровь не водица: родные сёстры умеют давить одинаково, только разными словами.

– Я тебя не брошу, – говорит Лера в первую же ночь. – Но работать придётся. У меня самой с деньгами напряжёнка.

Я всё понимаю.

Поэтому пилю ногти.

Нахожу через интернет маленькую студию. Столик у окна, лампа, дешёвые гели. Клиенты приходят разные: студентки, молодые мамы, офисные девочки. У всех свои истории, свои проблемы, и никому не интересна моя. Они садятся, протягивают руки, спрашивают: “А вы давно делаете?” — и я улыбаюсь, киваю, работаю аккуратно, стараюсь, потому что от этой улыбки и этих ногтей зависит мой завтрашний хлеб.

Я учусь делать вид, что всё нормально.

А ночами тихонько плачу в ванной, чтобы Лера не слышала. Сажусь на край ванны, закрываю рот ладонью, чтобы не было звука, и даю волю своим эмоциям.

Каждый раз мне кажется, что хуже быть не может.

Что хуже уже было. Тот звонок, мамины слова, побег. Что это и есть дно.

Потом начинается токсикоз.

Сначала он легкий, почти терпимый. Просто мутит по утрам. Я убеждаю себя, что это мелочи. Что я справлюсь.

Но потом становится невыносимо. Спазмы выворачивают меня наизнанку. Я могу стоять в метро и вдруг меня накрывает так, что темнеет в глазах. Я могу идти по улице и запах шавермы из ларька превращается в пытку.

Однажды я открываю банку с праймером и меня тошнит прямо в раковину. Запах полимеров, геля, ацетона становится адом. Он липнет к горлу, забивается под язык, остаётся на коже, даже когда я мою руки мылом до красноты.

– Том, – осторожно говорит Лера, когда я в третий раз выбегаю в туалет. – Может, тебе отпуск взять?

– Какой отпуск? – я вытираю лицо полотенцем и злюсь на неё, на себя, на этот чёртов организм. – Нам за квартиру платить надо.

Но я уже понимаю, что так долго я не протяну.

Я сижу за столом, держу руку клиентки, делаю вид, что всё хорошо, а в горле поднимается очередная волна. И я боюсь, что меня стошнит на чужие руки, на стол, на лампу, на свою жалкую попытку заработать.

– Я не могу, – шепчу однажды, уткнувшись Лере в плечо, когда прихожу домой белая, как бумага. – Я не вывожу.

– Значит, будем думать, – спокойно отвечает она. – Ты не первая беременная в этом городе. И точно не последняя.

Она находит подработки. Удалённые, временные. Где-то анкеты заполнять, где-то оператора на телефоне подменить, где-то её знакомая даёт мне пару клиентов с обычным педикюром, уход, без запахов.

Мы выкручиваемся как можем. Я делаю маникюр только знакомым, по записи, через день. Экономлю на всём. Мы считаем деньги до рубля: сколько на квартиру, сколько на еду, сколько на проезд.

Мне кажется, после родов станет легче. Что самое страшное — это беременность в одиночку.

Я ошибаюсь.

Рожать одной — это не про боль. Боль можно пережить. Тебе говорят, как дышать, как тужиться, как терпеть.

Страшно другое.

В роддом меня кладут заранее. “Обвитие пуповиной”, говорят врачи, и я киваю, будто понимаю, хотя у меня внутри всё сжимается от одного слова “обвитие”.

В палате нас четверо. У одной муж ночует под окнами. Она хихикает и переписывается с ним. У другой мама таскает еду пакетами. Третьей каждые два часа звонят и спрашивают, как она.

Я лежу и смотрю в потолок, слушаю, как по коридору стучат колёса каталок, и мне хочется сжаться до размера точки. Сделаться маленькой, чтобы меня не видели, не спрашивали, не жалели.

Когда начинаются схватки, я держусь молча.

Не потому что я сильная.

А потому что пожалеть всё равно будет некому.

Рожаю под утро.

И когда мне кладут на грудь тёплый, мокрый комочек, я плачу так, как не плакала никогда.

– Мальчик, – говорит акушерка. – Крепкий.

И в этот момент я впервые за всё время счастлива. Потому что я понимаю, что теперь не одна. Теперь нас двое....

Приглашаю вас в новинку нашего моба)

Бывшие. Любовь офицера
Виктория Волкова
https://litnet.com/shrt/MqIY

Муж отправил меня в рехаб. За мои же деньги. Не захотел разводиться и делить имущество поровну.

Думала, все. Сдохну там. Никогда не увижу дочку и белого света. Но на помощь пришел мой бывший. Офицер спецназа Андрей Зотов. Тот самый, которого я восемь лет назад уличила в измене накануне свадьбы. Лично убедилась и ушла. Но любовь, как оказалось, никуда не делась. Мы изменились, но нас по-прежнему тянет друг к другу. Вот только смогу ли я довериться Зотову снова?

https://litnet.com/shrt/MqIY

Глава 5

Воодушевленные мысли очень быстро покидают мою голову.

Потому что начинаются мамкины будни.

Не те красивые картинки из социальных сетей, где все в одинаковых пижамах и улыбаются на фоне шариков. А обычная жизнь.

Ночи без сна.

Не когда не выспалась, а не спала вообще. Ты только проваливаешься в полусон и тут же рядом кто-то начинает кричать. То твой, то соседский. И так по кругу, пока мозг не превращается в кашу.

Ты уже ужасно вымотана и морально и физически, а это только начало. Это только твои первые дни в статус мамы. И вот тут становится реально страшно. Потому что ты не знаешь, справишься ли.

Хотя... Кого это волнует? Ты уже на подводной лодке и выхода нет, кроме как справиться.

И плеват всем вокруг и Вселенной, что обычно родителей двое, а ты одна.

А это значит, никто не подхватит малыша, если у меня закружится голова или поднимется температура.

Да банально сходить в туалет или в душ спокойно уже огромная для меня роскошь.

Еще, как назло, соседке звонит муж. Она ставит телефон на громкую связь, потому что руки заняты.

– Ты моя умница, – произносит он ободряюще. – Я завтра приеду, привезу всё, что надо. Цветы куплю.

Я отворачиваюсь к стене и делаю вид, что мне всё равно. Но внутри шевелится банальная женская зависть. А еще противное мамино: “позор”.

Проверяю по привычке телефон. Пусто. Там никто не переживает за меня. Никто не спрашивает “как ты?”. Никто не пишет “ты молодец”.

В день выписки я стою в холле роддома с голубым свёртком в руках и жмусь к стене.

Других женщин обнимают, фотографируют, осыпают шариками и поцелуями.

Одна выходит и к ней сразу подлетает муж, как к центру вселенной. У него в руках огромный букет и ошалелый от радости взгляд. Он шепчет с придыханием: “это наш?”. Рядом бабушка плачет, вытирает слёзы уголком платка.

Кто-то смеётся, кто-то ругается.

– Подожди, я камеру включу!

– Да ты шапку ему поправь!

– Не так держишь!

У кого-то даже маленький братик с шариком прыгает на месте и пытается рассмотреть сестренку.

А я стою одна.

Стою чуть в стороне, чтобы никому не мешать, чтобы не попадать в чужие кадры счастья. Мне кажется, если я окажусь в их фото, это будет неправильно.

И я стараюсь не смотреть по сторонам.

Потому что стоит мне посмотреть и внутри сразу поднимается эта мерзкая, липкая мысль: а почему у меня так?

Чем я хуже? Почему никто не ждёт? Почему я сама держу этот свёрток, сама придерживаю пакет с документами, сама ищу глазами, куда поставить сумку, чтобы поправить одеяльце?

Вот сейчас бы распахнулась дверь.

И вошёл бы Илья.

Высокий. Уверенный. Чуть небритый, с лихой улыбкой на губах.

Просто подошёл бы ко мне. Сгрёб бы в объятия, а потом осторожно взял бы, чуть неловко, сына на руки. Посмотрел бы на него долгим мужским взглядом и сказал бы:

– Это была глупость, Томка. Ошибка. Я идиот. Но я вас люблю. Обоих.

Сказал бы, что больше я не буду одна. Что он всё исправит.

Что теперь он всегда будет рядом. Всегда.

Как каменная стена. Как спина, за которую можно спрятаться.

Он бы защитил. Уберёг. Закрыл собой от всех невзгод, от маминых слов, от чужих взглядов, от ночных страхов и пустоты.

И мне не пришлось бы быть сильной. Не пришлось бы взрослеть за один год и стоять здесь одной.

И, клянусь, я бы простила его в тот момент. Закрыла бы на прошлое глаза. Обняла крепко-крепко и расплакалась бы от чувства облегчния и счастья...

Но дверь не открывается.

Я делаю вдох. Пытаюсь держать лицо. Пытаюсь быть взрослой.

И в этот момент в холл влетает Лерка.

В руках у неё шарики, которые всё время пытаются улететь к потолку. На одном написано что-то банальное и смешное, на другом сердечко. Под мышкой нелепый плюшевый медведь.

У Леры глаза блестят. Губы дрожат, хотя она старается держаться. И эта дрожь делает меня слабой. Ппотому что я вдруг понимаю, что она тоже переживает. Тоже боится. И мы вместе с ней строим из себя взрослых и бесстрашных...

– Ну что, мать-героиня! – кричит она на весь холл, перекрывая чужие голоса. – Давай сюда нашего мужика!

Люди оборачиваются.

Кто-то улыбается. Кто-то удивлённо приподнимает брови. А я уже вовсю не сдерживаю слез.

Лера подходит ближе и обнимает меня осторожно, чтобы не задеть ребёнка, прижимается щекой к моей голове, как старшая сестра.

– Ты не одна, слышишь? – говорит она тихо, уже не для публики, а только для меня. – Нормального мужика из него вырастим. И сами еще реализуемся. Главное не раскисать.

Я киваю, потому что говорить не могу. Горло сжимает так, будто меня душат. Я только прижимаю к себе крепче свёрток.

Личная война офицера Сурова
Анна Бигси
https://litnet.com/shrt/8qQH

Я вернулся в родной город, чтобы начать мирную жизнь без устава и погон. Все шло по плану, пока я не встретил ее. Самую запретную и недосягаемую из всех возможных женщин. Она уложила меня на обе лопатки быстрее, чем любой противник. И так же стремительно исчезла, оставив после себя болезненный шлейф потери.

Но я не привык отступать и найду беглянку во что бы то ни стало. За женщину, которую уже присвоил, пойду до конца. Даже если придется начать новую войну. Личную войну Глеба Сурова.

###взрослый_герой

###майор_в_отставке

###сильный_мужчина

###запретные_чувства

###от_ненависти_до_любви

###властный_герой

###эмоционально

###страсть

###любовь_и_война
https://litnet.com/shrt/XwH4

Глава 6

Ване три месяца, когда мама впервые звонит.

Телефон вибрирует на столе, и я машинально смотрю на экран.

Не беру трубку сразу. Несколько секунд просто смотрю, как светится экран, и собираюсь духом. Внутри поднимается привычная настороженность.

Та самая, детская, когда по шагам в коридоре ты пытаешься понять, насколько сильно тебе сейчас попадёт.

Смешно… мне уже не восемь лет. У меня ребёнок. Я в другом городе. А до сих пор завишу от маминого настроения...

Ладони становятся влажными, сердце сбивается с ритма. Вполне закономерная реакция, когда тебя годами учили быть удобной, правильной, виноватой заранее.

Резко выдохнув, как перед прыжком с высоты, принимаю звонок.

– Алло.

– Ну здравствуй, – произносит мама так, будто мы вчера только расстались, а не разорвали отношения на долгие месяцы. – Жива?

Еле сдерживаю горькую усмешку. Сколько бы не прошло времени, она стабильна и предсказуема.

– Жива.

Голос у меня сухой, спокойный.

– Как ребёнок?

Мама не говорит внук. Не называет по имени.

Просто ребёнок.

Слово, в котором нет ни тепла, ни признания. Как будто речь о предмете, а не о человеке. О моей ошибке, которую она до сих пор не хочет назвать частью семьи.

И мне становится больно именно от этого. Не от её жёсткости, не от старых упрёков. От того, что она одним словом отделяет его от себя. Делает его чужим.

– Нормально, – отвечаю просто. – Растёт.

Наш диалог совершенно не похож на разговор близких людей.

Пауза. На заднем фоне у нее что-то шуршит. Мама всегда пряталась за делами. Ей проще помыть пол, чем сказать доброе слово.

И я понимаю, что она не знает, с чего начать. Потму что просто не умеет начинать по-человечески. Её никогда этому не учили.

Тянет время.

Я тоже.

Потому что внутри меня происходит странное. Часть меня хочет бросить трубку и навсегда отрезать эту связь, чтобы больше не возвращаться туда, где тебя оценивают и стыдят. А другая часть, маленькая, упрямая, всё ещё надеющаяся, замирает и ждёт.

Ждёт невозможного.

Что она скажет: “Томочка, мне страшно за тебя”. Или хотя бы: “Ты как?”. Или самое запретное: “Я виновата пред тобой”.

Но мама не может.

Её нельзя победить в споре. Потому что спор для неё не про истину, а про власть. Она не умеет проигрывать. Не умеет признавать слабость. Потому что тогда придётся признать, что больно не только мне, но и ей.

– Я приеду, – говорит вдруг. – Посмотрю, как вы там живёте.

И я почему-то не возражаю.

Хотя должна бы. Хотя имею на это полное право. Ведь уже взрослая, самостоятельная, со своим ребёнком на руках.

Но внутри меня всё ещё живёт девочка.

Та самая, что стояла у дверей кухни и слушала, как мама разговаривает по телефону с чужими людьми мягче, чем со мной. Та, что получала пятёрки не ради знаний, а ради одного. Вдруг похвалит. Та, что однажды принесла рисунок и услышала: “Криво. Могла бы и лучше”.

Я всё ещё жду.

Жду, что однажды она посмотрит на меня не как на ошибку, не как на недоработку, а как на дочь.

Что скажет о том, что гордится мной. Я даже не жду громкого люблю. Мне хватило бы простого: “Ты умница”.

И каждый раз, когда слышу её голос, я ловлю в нём намёк на тепло. И каждый раз ошибаюсь. Но продолжаю ловить. Потому что та девочка внутри меня до сих пор не поняла, что некоторые матери не умеют любить так, как хочется их детям.

Иногда я думаю о бабушке. О том, как мама рассказывала о своём детстве. Скупо, почти без деталей. “Не до нежностей было”. “Никто нас не целовал”. “Работали и жили”.

Я помню, как бабушка смотрела на маму строго, холодно, будто та всегда была в чём-то виновата. Ни объятий, ни доченька. Только требования. Только надо.

Может, мама выросла в той же пустоте, в какой росла и я. Может, её тоже не гладили по голове просто так. Не спрашивали, чего она хочет. Не учили чувствовать, а учили просто выживать.

И тогда что с неё взять?

Как она могла дать мне то, чего у неё самой никогда не было?

Некоторым людям просто не выдали любовь в детстве. Не научили её языку. Не показали, как это обнимать без повода, хвалить без условий, поддерживать без “я же говорила”.

И они вырастают сильными, правильными, выносливыми.

Но холодными.

И эту холодность они передают дальше. Не потому что злые, а потому что по-другому не умеют.

Я думаю об этом и мне становится не легче, а сложнее.

Потому что я не хочу быть такой.

Я смотрю на Ваню, на его маленькие пальцы, на то, как он хватается за мой палец, будто я весь его мир, и понимаю, что я могу прервать эту цепочку. Я могу не повторить этот сценарий.

Я могу сказать ему люблю сто раз в день. Могу обнимать просто та и хвалить за то, что он есть, а не за то, что он сделал правильно.

Но когда речь заходит о маме, то я всё равно возвращаюсь к тому самому чувству.

Она остаётся моей матерью.

И от этой связи никуда не деться.

Это не просто родство. Это невидимая нить, натянутая между поколениями. С узлами, с надрывами. С огромной болью. Я могу уехать в другой город, могу построить другую жизнь, могу стать другой матерью.

Но где-то внутри я всё равно остаюсь её дочерью.

Дочерью, которая до сих пор надеется, что однажды услышит: “Я тебя люблю”.

И, возможно, именно поэтому я не возражаю.

Порочный секрет офицера Громова

Анна Арно

https://litnet.com/shrt/wfL8

Ну че, выйдешь за меня? — хриплю сквозь сбившееся от поцелуя дыхание.

— Краснов, ты больной? — шепчет она недовольно. — Мы же п-просто… переспать договорились.

— Какой я тебе нахрен Краснов? — хмурюсь в темноту.

— А кто… ты?

— Я не пойму, — реально непонимающе выдавливаю я. — Ты что, пьяная, Марин?

Она отчего-то затихает подозрительно, а в следующую секунду… мне в нос прилетает удивительно грамотно рассчитанный хук справа.

— Блин, Марина!

— Никакая я вам не Марина! — вдруг выпаливает девица подо мной. — Катитесь к черту! Иначе я полицию вызову!

Шлепаю по выключателю над прикроватной тумбочкой. Тусклый свет из ночника по началу даже слепит. Но когда глаза привыкают:

— Черт, только не ты…
https://litnet.com/shrt/MLZX

Глава 7

Мама приезжает через неделю.

С двумя огромными сумками, которые оттягивают руки. Как будто едет не на пару дней, а спасать нас от голода, холода и неправильной жизни.

Она в своём сером пальто, застёгнутом на все пуговицы, несмотря на плюсовую температуру. Волосы аккуратно убраны, лицо собрано.

Это пальто делает её выше, строже, почти монументальной. В детстве мне казалось, что так выглядят строгие учителя или судьи.

Еще и этот взгляд её... Он означал только одно, что сейчас будет разбор.

Она подходит к двери и пару секунд мы просто смотрим друг на друга.

Молчание между нами не пустое. Оно плотное, неприятно.

Я вдруг замечаю, что мама стала старше. Морщины вокруг губ глубже. В уголках глаз появились складки, которых раньше не было. Или я просто очень давно её не видела.

А возможно, это не она изменилась. Может, всё дело во мне.

Я просто выросла и теперь вижу не только маму, а женщину. Уставшую. Жёсткую. Привыкшую всё тащить на своих плечах. Которую жизнь била. И не раз.

Но в глазах её всё та же холодность. Та самая внимательность, от которой в детстве хотелось выпрямить спину и спрятать руки за спину.

Как будто она пришла не обнять и впервые увидеть внука, а проверить:

– Ну что? Довела себя?

– Не справилась?

– Я же говорила.

В её взгляде нет ненависти. Но и тепла нет.

Она скользит по мне глазами сверху вниз. Задерживается на домашних шортах, на растрёпанных волосах и босых ногах.

– Чего босиком стоишь? Тапок что ли нет в доме? – бросает она сухо, без вступлений и без тепла.

И это не звучит как забота о том, что я простужусь. А как упрёк. Чего же ты у меня такая неправильная. Неумеха, лодырь, бестолочь. Это вечно идет мелким шрифтом под знаком звездочка.

Я на секунду хочу ответить резко. Хочу сказать, что мне двадцать, мама. Я сама решу, в чём мне ходить.

– Привет, – отвечаю вместо этого ровно, хотя внутри всё сжимается от чувства не справедливости.

Мы обнимаемся неловко.

Скорее как люди, которым это надо делать, но не которые этого действительно хотят.

Отпускаем друг друга слишком быстро.

Мама проходит в квартиру и останавливается в прихожей, будто пересекает границу чужой территории. Ставит сумки у стены и снимает пальто, аккуратно повесив его на вешалку.

Она оглядывается. Цепко, как инспектор. Глаза отмечают всё сразу. Скромно, тесно. Лера на работе. Ваня спит в кроватке.

И я вдруг ловлю себя на странном желании встать между ними. Закрыть его собой. Как будто мамин взгляд может как-то навредить ему.

Это иррационально.

Она не чудовище.

Но я слишком хорошо знаю её интонации. Знаю, как одно слово может оставить след. И я боюсь, что даже внука она начнет оценивать и он не пройдет ее высокие стандарты.

– Вот тут вы живёте? – спрашивает мама, проходя в комнату и останавливаясь у стола.

– Да.

– М-да…

Это её универсальное могло быть лучше.

То самое “м-да”, которое в переводе означает: “я бы такого не допустила”.

Мама подходит к кроватке и долго смотрит на Ваню.

Стоит чуть наклонившись, руки сцеплены перед собой, взгляд сосредоточенный, почти строгий. Я не могу понять, что в нём. Раздражение или любопытство?

Я ловлю себя на том, что почти замираю вместе с ней. Слежу за её лицом, за едва заметным движением бровей, за тем, не смягчится ли взгляд.

Ваня ворочается, кряхтит, как маленький старичок. Сжимает кулачки, морщит лоб. Я уже привычно подхожу, беру его на руки. Уверенно, без ненужной суеты.

Руки у меня давно перестали быть девичьими. Они знают, как подхватить, как поддержать шею, как чуть качнуть, чтобы он успокоился. Они теперь материнские.

– Дай, – говорит мама неожиданно.

Это слово падает между нами, как команда.

Я замираю на секунду. Внутри вспыхивает колючее: а если…

А если решит, что я держу неправильно, кормлю неправильно, живу неправильно?

Но я аккуратно передаю ей сына.

Она держит его уверенно. Правильно. Руки у неё крепкие, привычные. Она не сюсюкает, не улыбается широко, не ахает.

Как человек, который когда-то точно так же держал меня.

И, несмотря ни на что, вырастил.

В её руках нет нежности, той, к которой я привыкла с Ваней. Но есть что-то другое. Привычка. Опыт. И, как ни странно, забота. Только без слов, без мягкости, без поглаживаний.

Мама смотрит на его лицо долго, сосредоточенно. Почти сурово.

– Ваня, значит, – произносит она. – Иван.

– Да.

Она прищуривается и произносит так, будто ставит диагноз:

– На своего папашу похож.

Меня будто током бьёт. Всё тело напрягается.

– В смысле? – бросаю резко.

– Нос его, – спокойно отвечает мама. – И лоб. Такой же упрямый будет.

Я не знаю, обижаться или молчать.

В тоне ее только сухая констатация факта. Она не думает, что ранит меня. Для неё это просто генетика. Черты лица.

А для меня — это напоминание.

Напоминание о человеке, который выбрал не нас.

– Кравцов… – продолжает мама, будто разговаривает сама с собой. – Так и не вернулся. Родители его всё продали. Дом, машину. И сами в столицу уехали. Жируют, сволочи.

Последнее слово она бросает с таким раздражением, будто они лично её обокрали.

Но мамина злость — это её личное поражение. Она предупреждала. Она не верила. И всё случилось так, как она говорила. Но вместо торжества у неё внутри пустота. Потому что победа над дочерью — это всё равно поражение.

Я всё это время убеждала себя, что мне всё равно на Илью. Что я вычеркнула его навсегда. Но вот я слышу про него и внутри всё переворачивается...

– Мне всё равно, – произношу тихо, отводя глаза.

Мама бросает на меня быстрый, колючий взгляд.

– Врёшь.

Она знает меня лучше, чем я сама хотела бы.
И, может быть, именно это больнее всего.

Глава 8

Мама остаётся на несколько дней.

И за это время квартира перестаёт быть похожей на берлогу молодой матери, которая ничего не успевает.

Она не говорит лишних слов, а просто начинает делать.

Снимает шторы и отправляет их в стирку. Моет окна и открывает их, запускает внутрь прохладный воздух и шум двора. И сразу становится как-то светлее и свежее.

Она разбирает в шкафчиках. Размораживает холодильник, выкидывает просроченные баночки. Деелает вссё то, до чего у меня и у Леры никак руки не доходили.

Я наблюдаза ней и чувствую странную смесь.

С одной стороны раздражение. Потому что она вторгается. В мою жизнь и мой беспорядок.

А с другой, в душе теплется чувство огромной благодарности. От того, что я устала. Не спала толком три месяца. И иногда просто не вижу пыль. Я вижу только подгузники, график кормлений и список расходов.

Ваня спит в чистой, наглаженной кроватке. Холодильник заполнен так, будто мы готовимся к осаде.

Мясо. Крупы. Фрукты. Детские пюре банками. Йогурты, творог, молоко.

Открываю дверцу и на секунду просто смотрю на это изобилие. На еду, как на маленькое чудо.

Я так устала жить в режиме впритык. Когда покупаешь по акции. Когда выбираешь не то, что хочется, а то, что дешевле. Когда смотришь на цену детского питания и мысленно делишь её на количество дней.

И вот сейчас передо мной полные полки, а на плите стоит суп и котлеты.

Это мелочь.

Но для меня практически роскошь.

Закрываю холодильник и облокачиваюсь на стол. Горло пересыхает.

– Я верну деньги, – произношу хрипло.

Потому что если я просто приму, то значит, я зависима. Значит, я не справляюсь.

Мама даже не оборачивается. Стоит у плиты и помешивает суп.

– Не надо мне ничего, – отвечает коротко. – Я всё же твоя мать.

Внутри поднимается злость. Где была эта “твоя мать”, когда я рожала одна?

Но я молчу, так как докаать или объяснить ей что-то, бесполезно. Она никогда не поймет, что я не голодала. И не просила спасения.

Мне нужна была не осада из консервов. А одна фраза.

“Ты не одна.”

Вечером мы сидим на кухне. Ваня сопит в комнате. Мама мешает чай, стучит ложкой о стакан, смотрит куда-то мимо меня и бросает, как бы невзначай:

– Ты могла бы вернуться. Я бы помогла.

Я поднимаю взгляд. Сердце делает глухой удар.

– Ты хотела, чтобы я сделала аборт.

Мама замирает. Ложка зависает в воздухе. Она молчит слишком долго. Так молчат люди, у которых нет правильного ответа.

– Я хотела, чтобы ты не сломала себе жизнь, – отвечает она наконец с какой-то горечью в тоне. – Я хотела, чтобы ты была счастлива…

Она не договаривает.

– А ты уверена, что я её сломала? – качаю головой в досаде.

Я не спорю. Я правда спрашиваю.

Мама смотрит на меня долго. Взросло. Внимательно. Не как на ребёнка, которому надо объяснить. Как на женщину, которая уже сделала выбор и теперь живёт с последствиями.

– Ты живёшь на съёмной квартире. Без мужа. С ребёнком на руках, – перечисляет она сухо. – Это, по-твоему, счастье?

Я перевожу взгляд на кроватку в комнате. Ваня тихо сопит, иногда вздыхает во сне. Маленький, тёплый, мой.

И меня вдруг накрывает ясностью.

Счастье — это не то, что мама понимает.

Счастье — это не статус. Не квадратные метры. И не штамп в паспорте.

Счастье — это когда он есть. Когда я могу прижать его к себе. И когда он улыбается во сне.

– Да, – отвечаю тихо. – Счастье в мелочах. Можно быть замужем, иметь свой дом и быть ужасно несчастной. А можно…

Я не успеваю закончить.

– Ты в своих бедах выставила виноватой меня, – перебивает мама резко. В её голосе наконец появляется эмоция. – Будто я, тем что говорила правду, испортила твою жизнь. Её испортил конкретный мужик. Не я.

Она отставляет стакан.

– Если бы ты меня хоть немного слушала… – продолжает она. – Но ты обиделась на правду. Ни разу за всё это время матери не позвонила. Гордость, видите ли. А теперь будешь всю жизнь с этим ярмом на шее, – говорит жёстко. – Ни жизнь свою нормально построить, ничего. Кому что доказала? Ты молодая и глупая. Для тебя рай в шалаше. А нет там никакого рая. Только нищета и слёзы.

Она наклоняется вперёд.

– Лучше плакать в “роллс-ройсе”, чем смеяться на велосипеде, Тома.

Эта фраза звучит как приговор.

Между нами повисает тишина.

Я смотрю на неё и вижу женщину, которая всю жизнь боялась бедности. Которая, возможно, сама когда-то плакала не в “роллс-ройсе”, а в коммуналке. Которой некому было помочь. Которая выживала и решила, что единственный способ не страдать — это иметь больше.

Для неё счастье — это безопасность. Деньги. Статус. Защита от унижения.

Для меня счастье — это мой сын.

Мы говорим на разных языках.

– Ты правда думаешь, что деньги делают счастливой? – спрашиваю я тихо.

Она не отвечает сразу. Смотрит на меня пристально.

– Деньги дают возможность не унижаться, – говорит она наконец. – И не зависеть.

Я горько усмехаюсь. Дело-то не в “роллс-ройсе”. И не в велосипеде.

Дело в страхе.

Она боится, что я буду страдать.

Я боюсь стать такой же холодной.

Она видит в моём ребёнке ярмо.

Я вижу в нём смысл.

Между нами не просто разница мнений. Между нами разные представления о том, что такое любовь.

И эта пропасть шире, чем я думала.

В день своего отъезда мама стоит в прихожей, поправляет пальто. Сумки уже собраны. Лицо спокойное, без лишних эмоций.

– Подумай о возвращении, – произносит она напоследок. – Там тебе будет легче.

– Мне и здесь нормально.

Это моя взрослая, выстраданная позиция. Мама смотрит на меня пару секунд. Взгляд у неё короткий, цепкий, будто она прикидывает: можно ли ещё нажать. Но она не нажимает.

Только кивает.

Подходит и обнимает меня быстро.

– Береги себя, – говорит она тихо.

Потом она выходит. Я слышу, как щёлкает замок. Как по лестнице гулко стучат её шаги.

Я закрываю входную дверь и опираюсь на неё спиной. И понимаю, что мне дышать легче без её присутствия.

Как будто из квартиры ушёл невидимый пресс, который всё это время давил на грудь.

Я медленно прохожу в комнату, сажусь на диван и беру Ваню на руки. Сынок доверчиво прижимается щекой к моему плечу. Сопит, морщит нос и пускает слюни.

И что-то внутри меня неожиданно становится спокойным.

Я вспоминаю Илью.

Сколько раз, глядя на Ваню, я искала в нём черты Ильи и злилась. Будто каждая похожая линия — это доказательство, что он всё равно внутри нашей жизни, даже если его нет рядом. Сколько раз представляла, как однажды он появится на пороге. Что скажет. Как посмотрит. Как у него дрогнет лицо, когда он поймёт.

Эти фантазии были странным наркотиком. Они давали ощущение, что история ещё не закончена. Что я не просто брошенная. Что всё ещё может повернуться. Что он ещё может раскаяться и всё исправить.

Я ненавидела его.

Ненавидела за слабость. За трусость. За то, что выбрал другую.

И долго мне казалось, что эта ненависть делает меня сильной.

Но ненависть — это тоже связь.

Пока ненавидишь, ты всё равно привязан. Ты всё равно держишь человека внутри себя, как занозу, которую не вытаскиваешь, потому что она хотя бы как-то напоминает о прошлом. О том времени, когда ты верила и любила.

А я больше не хочу его держать.

Он не мой. Больше не часть моей жизни. Он просто часть прошлого.

Не трагедия на всю жизнь, а опыт. Ошибка. Разлом, который когда-то сделал больно, но уже не имеет права управлять моим сегодняшним днём.

Я не хочу доказывать ему ничего. Не хочу представлять, как он однажды узнает про сына и пожалеет. Не хочу мечтать о случайной встрече в метро, где он увидит меня и всё поймёт.

Это всё ловушка. Попытка вернуть себе справедливость через его признание и страдания.

Но правда в том, что мне не нужно его признание.

Мне нужен покой.

Мне нужно, чтобы моя жизнь перестала зависеть от того, что делает или не делает мужчина, который однажды уже выбрал уйти.

Мне всё равно, где он. С кем. Что делает.

Это не равнодушие. А настоящая, физическая усталость тащить в себе его имя, как мешок камней. Тащить обиду, как доказательство.

Ставлю точку там, где долго держала многоточие.

В моей жизни теперь есть только я и Ваня.

И в нашей с сыном жизни для Ильи Кравцова больше нет места.

Будто его и не было.

Я прижимаю сына крепче, целую в макушку.

– Нет у тебя отца. Не было и никогда не будет, – шепчу ему.

И впервые за долгое время я не думаю о том, что будет, если судьба нас снова сведёт с Ильёй.

Я не строю сценарии. Не готовлюсь к встрече. Не примеряю заранее слова.

Я просто надеюсь, что не сведёт.

Потому что у меня больше нет желания снова открывать эту дверь.

И если есть хоть какая-то справедливость в этом мире, то наши дороги больше никогда не пересекутся...

Брошенная жена для офицера
Ева Стоун
https://litnet.com/shrt/znJE

Мне б-больно, — из глаз прыскают слёзы. — Отпусти!

— Ты моя жена. Потерпишь. И отпущу я тебя только когда захочу. Усекла? Я тебя ещё на колени сегодня поставлю, Светик, будешь у меня за своё поведение отрабатывать, — после

своего сального высказывания муж-изменник усмехается и переводит взгляд на своего сослуживца. — Бабы. Что с них возьмёшь?

— Светлана? — рокочущий голос офицера, который пришел мне на помощь, проникает под кожу. — Вас забрать?

— Д-да.

— Тогда собирайтесь.

https://litnet.com/shrt/znJE

Глава 9

Восемь лет спустя

Жара этим летом стоит невыносимая.

Такая, что асфальт плывёт, открытые окна не спасают, кондиционер гудит, как старый трактор, и всё равно воздух плотный и липкий.

Сегодня открываю салон раньше обычного. У нас инвентаризация. Бумаги, накладные, остатки по складе, сверка расходников и сроков. Шампуни, краски, оксиданты, перчатки, одноразовые простыни, ампулы, воск, сахарная паста, иглы для мезотерапии, если вдруг с поставкой в этот раз опять начнутся пляски. Нормальная рабочая рутина. Такая, о которой восемь лет назад я даже мечтать боялась.

На мне простая белая рубашка, тонкие брюки, волосы собраны в тугой хвост, потому что иначе шея мокрая через десять минут. Я пью воду литрами и всё равно кажется, что еще немного и я умру от обезвоживания.

Со мной еще сегодня Ваня.

Потому что каникулы.

А у него энергии на троих мужиков и один трактор.

И оставить дома на пять минут восьмилетнего мальчика сравнимо разве, что развести костер посреди комнаты и очень сильно надеяться на то, что не разгориться пламя.

Ваня сидит на ресепшене и строит из визиток башню. Башня уже выше его лба, а лоб у него широкий, упрямый, папашин, как однажды сказала мама.

Я до сих пор помню эту фразу. Она почему-то занозой засела в моей голове.

– Мам, а если я сделаю её ещё выше, она рухнет? – спрашивает он, не поднимая головы.

– Рухнет, – отвечаю я, листая ведомость по складу. – И потом ты будешь собирать это всё по полу.

– Я могу не собирать, – философски заявляет он.

– Можешь. Тогда буду собирать я. А потом тебе будет очень скучно без планшета неделю.

Башня внезапно быстро разбирается, а визитки аккуратной стопккой возвращаются на место.

Я сдержанно улыбаюсь, потому что этот ребёнок — моя карма. Мой юмор и моя нервная система в одном флаконе.

Если смотреть на меня со стороны, я сейчас вполне успешная взрослая женщина. Свой небольшой салон красоты, в перспективном, развивающемся районе.

Нормальный график, постоянная база клиентов, команда хороших мастеров. Не элитный “люкс”, где шампанское в бокалах, но и не подвал с одной кушеткой. Середина, которая кормит, если работать.

А если заглянуть внутрь, то я не железная леди, а обычная женщина.

Со своими страхами. Бессонными ночами. И тревогой, которая иногда накрывает без причины. Просто потому что слишком много ответственности на плечах.

Со счетами, которые нужно оплатить вовремя. С арендой, которая не ждёт моего плохого настроения. И мастерами, которым я должна зарплату, даже если месяц вышел слабым.

Еще и сын-шалопай, который может за пять минут превратить тихий день в апокалипсис.

Сильная женщина — это красивая формулировка.

Но в реальности это часто женщина, которая просто не может позволить себе быть слабой.

Лера за эти восемь лет тоже изменилась.

Не просто повзрослела. А многое пережила.

Жизнь у неё не сложилась в аккуратную картинку с ипотекой и котом. Она пыталась построить её, честно пыталась.

Был мужчина. Надёжный на словах. Были планы, общая аренда, разговоры про будущее. Они даже расписаться успели. Лера не хотела пафосной и пышной свадьбы, да и родне сообщать не спешила.

А потом его не стало.

Авария. Декабрь. Скользкая трасса. Дурацкая цепочка случайностей, из которых складываются трагедии. Он выехал к родителям на пару часов и не доехал.

Лера позвонила мне тогда ночью. Голос у неё был чужой, ровный, почти спокойный, как у человека, который ещё не понял, что случилось.

Я приехала к ней с Ваней на руках, потому что оставить его было не с кем. И мы сидели втроём на её кухне. Она, я и ребёнок, который не понимал, почему тётя Лера так громко плачет.

После истерики. Она просто замолчала.

На несколько месяцев.

Потом была больница... Потом терапия, долги, его кредиты, которые всплыли после похорон. Потом продажа машины, переезд в меньшую квартиру, бесконечные бумажки и очереди.

Я тогда впервые увидела, как человек может сломаться...

Она похудела, осунулась, волосы отстригла почти под каре, будто отрезала прошлое вместе с длиной. Но со временем всё же смогла взять себя в руки и продолжить жить.

Сейчас у неё маленькая съёмная студия и работа в логистической компании. Она встаёт в шесть утра, ездит через полгорода, умеет разговаривать с водителями так, что они её уважают, и с начальством так, что её не трогают.

Мы поддерживаем друг друга. Как иначе?

Когда мне тяжело, то я звоню ей. Когда на неё накатывает, то она приезжает ко мне.

Просто мы обе прекрасно знаем, что жизнь может ударить так, что дыхание выбьет надолго.

С моей мамой… всё сложнее.

Мы не стали “как подружки”. Мы не превратились в красивую историю примирения. Мы просто научились существовать друг рядом с другом на безопасной дистанции.

Она звонит раз в месяц. Иногда приезжает. Не надолго. Привозит гостинцы, вещи Ване на вырост, любит сказать: “ну ты, конечно, молодец, но могла бы и лучше”.

И я уже не цепляюсь. Я научилась не искать в её словах любви. Я научилась слышать заботу там, где она умеет её давать: в пакетах с едой, в поступках, в скупом “береги себя”.

Иногда мне кажется, что она тоже устала быть железной.

Но признаться в этом ей страшнее смерти.

Я работаю. Много. Поначалу пахала так, что падала. Потом научилась делегировать. Потом стала расширяться.

Я стала умнее. Жёстче.

Сегодня я пытаюсь сосредоточиться на инвентаризации, но сосредоточиться, когда рядом Ваня, невозможно. Он как маленький ураган и если в салоне тишина, значит он где-то замышляет преступление.

К четырём у нас уже просто аншлаг.

Маникюр забит до восьми вечера, окрашивание встык, с паузой ровно на проветрить кабинет, массаж с ожиданием в коридоре.

Девочки работают на скорости, но без суеты.

Я периодически выхожу в общий зал и проверяю, чтобы всё шло по плану. Киваю, улыбаюсь, отвечаю на вопросы и возвращаюсь обратно в свой кабинет.

За Ваней, я как всегда, попросила присмотреть Веру, администратора с ресепшена.

– Вера, если что он у меня гиперактивный, но управляемый, – предупредила я с улыбкой.

– Ничего, – спокойно ответила она. – У меня племянник такой же. Прорвёмся.

Если честно, я часто пользуюсь её добротой. Вера спокойная, уравновешенная. Она может одновременно записывать клиентку на следующий месяц, принимать оплату и объяснять Ване, почему нельзя так сильно раскручивать кресло.

Иногда мне даже неловко.

Я думаю, что впору уже брать её на второй оклад няней. Потому что то, что она делает для меня, выходит далеко за рамки должностной инструкции. Администратор не обязан следить за моим ребёнком, пока я разбираюсь с инвентаризацией или закрываю кассу. Но она следит. Без недовольства.

– Вера, – говорю я, не отрываясь от ведомости, – можешь за Ваней присмотреть пару минут? Мне надо на складе всё пересчитать, а он уже на низком старте.

– Конечно, – отвечает Вера и я уже спешу дальше по своим делам.

Склад у нас маленький, но забит под завязку. Я встаю на табурет, достаю коробки, сверяю партии, записываю. Кондиционер в коридоре не дотягивает сюда совсем. Духота страшная.

Когда я заканчиваю с первым стеллажом, меня вдруг накрывает лёгкое беспокойство. Материнская интуиция. Она всегда просыпается, когда ребёнок слишком долго сидит тихо.

Я выхожу в коридор, заглядываю на ресепшен.

Вера сидит и сосредоточенно смотрит в компьютер.

– Вера… – начинаю я чувствуя легкое волнение в груди.

– Да? – поднимает она на меня глаза.

– А Ваня где?

Вера моргает. Один раз. Второй.

– В смысле… – она чуть напрягается и оглядывается по сторонам. – Он же только что был…

Она смотрит вниз, на стойку, где валяется планшет и пазлы.

Вани нет.

– Он… в туалете, наверное? – осторожно говорит Вера, и по её тону понятно, что она его упустила из виду и потеряла.

Я закрываю глаза на секунду.

– Вера, – прикрываю глаза, – он же сейчас здесь всё перевернет...

– Я отвернулась буквально на минуту… – начинает оправдываться она.

– Я знаю, – перебиваю я и выдыхаю. – Давай искать.

Сердце ускоряется, но я не паникую. Я уже восемь лет мать. Паника — роскошь. Я умею делать вид спокойствия даже тогда, когда внутри всё холодеет.

Я иду в свой кабинет, быстро осматриваю. Его там нет. Заглядываю на склад, где была пару минут назад, но там тоже пусто. В туалете его тоже нет, только мокрые следы на полу, как доказательство, что кто-то бегал.

И тут я слышу сзади шорох.

Поспешный. Тревожный. Такой, от которого у матерей моментально включается внутренний датчик беды.

Я резко оборачиваюсь.

И по коридору, прямо в сторону моего кабинета, летит на бешеной скорости мой Ванька.

Без футболки...

Голый торс блестит от пота, кожа красная от жары и от бешеного бега. Волосы взъерошены, будто его продувало ветром на скорости сто километров в час. Глаза горят ярко, азартно.

В этом взгляде нет невинного я просто бегаю. Там чистое: я спасаюсь.

Я даже не успеваю ничего сказать. Тело реагирует раньше слов.

Несусь за ним.

Он влетает в мой кабинет, как пуля, и я успеваю ровно к тому моменту, когда он, торопливо, не глядя на меня, лезет в шкаф с полотенцами.

– Мам! – шипит он из глубины шкафа, как маленький заговорщик. – Мам, ты меня не видела.

Смотрю на него и в голове за две секунды успевают пробежать две мысли.

Первая: Господи, за что.

Вторая: Сейчас что-то произошло.

Потому что Ваня не просит ты меня не видела просто так. Ваня может хитрить, увиливать, врать, что само разбилось, но прятаться в шкаф — это уже новый уровень.

Я делаю вдох. Один. Второй. И говорю предельно спокойно.

– Ваня. Почему ты без футболки?

– Она мне мешала, – быстро отвечает он из шкафа и явно врет. – Мам, ты просто скажи, что ты меня не видела, ладно?

– Ваня… – я делаю шаг к шкафу. – Что ты натворил?

– Ничего! – слишком громко отвечает он.

В этот момент из зала раздаётся шум.

Самый настоящий грохот, как будто что-то упало, и чей-то голос, резкий, злой что-то неразборчивое бубнит.

У меня сердце ухает вниз, прямо в пятки.

Потому что я знаю своего сына.

Если Ваня бежит без футболки и прячется в полотенцах, значит, он не просто пакостит.

Он уже устроил событие.

Я подхожу к шкафу, резко распахиваю дверцу и встречаюсь взглядом с сыном.

Он сидит там, среди полотенец, как маленький преступник в логове. Глаза огромные. Пальцы сжимают ткань так, будто она может защитить его от моего правосудия.

– Сиди здесь, – говорю строго. – И не высовывайся. Понял?

Он кивает, широко распахнув глаза, и впервые за последние пять минут выглядит не героем боевика, а ребёнком, который внезапно осознал последствия.

Я вылетаю из кабинета и почти бегу в зал.

Шум там наростает...

Несвободные отношения офицера

Олли Серж

https://litnet.com/shrt/fse4

- Ты можешь проваливать! - Рявкает майор. - У меня контракт. Я не могу покинуть часть.

- Тогда я остаюсь!

- Остаться в части может только жена! Или работник! Что ты из этих двух вариантов?

- Жена!

- Ха! Это за гранью фантастики!

- Ты на мне женишься! У Миши… - глотаю подступившие слезы. - У моего племянника будет полная семья!

- Да какая из тебя мать?! Что ты будешь здесь делать? В мехах своих гулять? По плацу? Это не подиум!

- Это не тебе решать!

- Я буду изменять! Никакой семьи не получится!

- Иди к черту, майор! Ребенок плачет…

В прошлом у них не сложилось…

«Хамоватый солдафон» и «взбалмошная актриса» - что у этих двоих может быть общего?

Но жизнь распорядилась иначе. И теперь майору Мрак придется воспитывать общего ребенка с женщиной, которая его ненавидит всей своей светлой душой...

https://litnet.com/shrt/fse4

Глава 10

Я почти влетаю в зал. На материнском инстинкте, на адреналине.

Но в дверях торможу.

Не потому что передумала.

Потому что картина, которая открывается передо мной, выбивает воздух из лёгких.

Посреди маникюрного зала, между столами с лампами и аккуратными баночками с гелями, стоит здоровенный мужик.

Боком ко мне. Широкими плечами он перекрывает половину обзора, будто шкаф поставили посреди прохода.

И держит в кулаке…

Ванину футболку.

Белую. С динозавром.

Мужчина при этом не кричит. Нет. Он ревёт, как раненый зверь, которому только что вонзили что-то в спину.

– Где?! – рявкает он зло и трясёт тканью так, будто она сейчас заговорит. – Где он?!

Вера стоит возле столов, натянуто улыбается, но держится на расстоянии.

Я вижу, как она инстинктивно отступила на шаг. Так делают люди, когда чувствуют опасность кожей. Так, чтобы если что, можно было отойти ещё. Или успеть нажать тревожную кнопку.

От мужика реально фонит агрессией.

Это не истерика, а самая настоящая концентрированная ярость.

– Добрый день, – пытается говорить Вера спокойным деловым тоном, именно так, как на курсах по конфликтологии учили. – Подскажите, пожалуйста, что случилось?

Молниеносным движением мужчина поворачивает голову в её сторону.

Лицо у него суровое. Челюсть напряжена так, что скулы будто стали шире. Шея мощная, на ней жилы. Глаза тёмные, злые, и в них сейчас нет ни капли иронии.

– Где он, я вас спрашиваю?! – рявкает он снова, окидывая взглядом зал.

Мастера замирают.

Клиентки тоже.

Все смотрят на него так, будто перед ними не мужчина, а удав, который выбирает, кого проглотить.

Я так и замерла в дверях, как вкопанная. И сердце начинает стучать где-то в горле.

Потому что я узнала его сразу...

– Я видел, как он сюда забежал! – продолжает мужик. – Пацан. Мелкий такой. Без футболки.

– А что случилось-то? – спрашивает Вера уже понимая о каком пацане речь, от чего улыбка на ее лице с каждой секундой всё больше меркнет.

Мужик делает шаг вперёд.

– Этот мелкий засранец мне всю тачку рябиной обхаркал!

Рябиной?

Обхаркал?

Я прямо вижу эту картину.

Жара. Двор. Рябина у входа в салон. Мой гениальный сын с горстью неспелых ягод и, видимо, выдающейся фантазией.

Стою и не понимаю, что чувствовать.

То ли мне смеяться, потому что Ваня, конечно, отчибучил.

То ли гордиться, что из всех машин в городе он выбрал именно эту. И, сам того не зная, отомстил за маму.

То ли плакать...

Потому что мужик в бешенстве. Мой бывший. Илья Кравцов, собственной персоны.

Восемь лет я его не видела. И, если честно, ещё бы двадцать раз по стольку не видеть.

Тогда он был моложе. Мягче. С дерзкой улыбкой, с сияющими глазами и полон амбиций.

Сейчас же передо мной стоит зрелый мужчина.

Здоровый. Возмужавший.

Широкие плечи. Он весь будто больше стал. Линия подбородка жёстче. На щеках легкая щетина, которая ему идёт.

Я чувствую, как по позвоночнику проходит холод.

Это не сон. Не галлюцинация.

И мне сейчас нужно будет ему объяснить, почему его сын обхаркал его машину...

Неверный офицер. За гранью чести
Алена Московская , Рита Нестерова
https://litnet.com/shrt/DjJS

Наша соседка твоя любовница? — все-таки спрашиваю я мужа, не в силах более скрывать подозрения.

— Что ты несешь? Белены объелась? — он продолжает перекладывать бумаги на столе, даже не подняв на меня головы.

— Ром, ты называешь себя человеком чести, но я не слепая. Признайся ты уже, спишь с ней?

— Даже если так, дальше что?

Мы женаты 15 лет. У нас маленький сын и кризис в семье.

Пару недель назад мы переехали в новый дом, в надежде обрести в нем счастье.

Продали мою машину, квартиру покойного отца, вложили все накопления до копейки, все ради этого дома, на котором Рома так настаивал.

А что в итоге?

Причиной для переезда оказался не семейный комфорт, а его страсть к ней.

К молоденькой девушке, которая уже ждет от него ребенка.

И это уже за гранью...
https://litnet.com/shrt/WgHD

Глава 11

Я уже почти выхожу из своего укрытия в дверном проёме. Из этого спасительно узкого пространства между коридором и залом, где у меня ещё есть иллюзия безопасности.

От сюда я вижу, кто куда смотрит, слышу интонации, замечаю мельчайшие движения, и у меня есть секунды, чтобы продумать, что сказать и как не сорваться.

Но именно в тот момент, когда я собираюсь собраться с духом и вмешаться, из-за одного из маникюрных столов резко подскакивает дамочка.

– Илюша, что случилось?! – вскрикивает она и буквально подлетает к Кравцову, хватая его за руку с таким видом, будто сейчас будет не разбор полётов, а немедленная защита её мужчины от всего мира. – Это безобразие! Я им такие отзывы накатаю, ты не представляешь!

Илюша...

Нет. Я не ревную. Восемь лет прошло и я давно научилась жить без него и даже без мысли о нём. Но это обращение звучит слишком… привычно. Оно из моего прошлого, тогда толькко я так могла его называть. Словно такое право было лишь у меня и осталось за мной навсегда.

Однако реальность иная. В ней он давно мой бывший и не часть моей истории, а чей-то близкий.

Я рассматриваю девушку внимательнее, с женским любопытством.

Высокая, ухоженная, лет двадцати пяти, может, чуть больше. Волосы идеально уложены. Холодный блонд, без намёка на желтизну, явно свежая работа хорошего мастера.

Лёгкое летнее платье садит по фигуре, подчёркивает талию, линию декольте.

Голос у неё капризно-возмущённый, будто салон оскорбил лично её, а не её спутник получил жеваной рябиной по машине.

– Я так и думала, что это помойка и не нужно верить этим хвалебным отзывам! – продолжает она громче, оглядывая зал с неприязнью. – Что за контингент вообще? Ребёнок какой-то дикарь! Детей вообще дома надо оставлять, а не с собой брать. Есть бабушки, дедушки, отцы в конце концов!

Она бросает фразу про отцов легко, не задумываясь, как будто для всех в мире это естественная, гарантированная опция. Как будто у каждого ребёнка по умолчанию есть взрослый мужчина, готовый подхватить, присмотреть, воспитать.

Ребёнок какой-то дикарь.

Я чувствую, как внутри поднимается горячая волна злости. Сначала она обжигает горло, делает дыхание чуть резче. Потом медленно расправляет плечи, выпрямляет спину, заставляет подбородок приподняться на полсантиметра выше.

Потому что одно дело злиться на меня, на салон, на ситуацию.

И совсем другое, позволить себе так говорить о моём сыне. О маленьком человеке, который, да, шкодный. Да, временами неуправляемый. Да, способен за пять минут устроить локальную катастрофу. Но он смелый. С фантазией. С характером. И уж точно не дикарь.

В её словах снисходительное презрение. Как будто она оценивает не поступок, а сам факт существования ребёнка.

И именно эта фраза неожиданно делает меня смелее.

Не Илья. Не его злость.

А вот это презрительное, брошенное в сторону моего сына слово.

Потому что я могу стерпеть многое. Могу закрыть глаза на хамство в свой адрес. Даже проглотить демонстративное помойка.

Но я не позволю никому стоять в моём зале и оскорблять моего ребёнка.

И мне хочется спросить у судьбы почти с сарказмом:

Это из-за неё он меня бросил?

Или это уже десятая по порядку?

Видеть, на кого тебя предположительно променяли, неприятно.

Даже если прошло восемь лет и ты вычеркнула человка из своей жизни. Где-то в самом тёмном уголке души всё равно шевелится детский, глупый вопрос, который взрослая женщина обычно давит в себе на корню:

А чем она лучше?

Она красивая. Уверенная. Ухоженная. Такая, которую не стыдно вывести в ресторан, посадить рядом, показать друзьям. И эта мысль могла бы ударить по самооценке, если бы я сама не была такой. Никакая я не мышь, не дура. Яркая, симпатичная.

Я ловлю себя на том, что автоматически расправляю плечи.

Потому что я больше не та девочка, которую можно бросить по телефону и оставить с ключами в почтовом ящике.

Я взрослая женщина. У меня бизнес, сотрудники, клиенты. У меня сын. У меня жизнь, которую я вытянула своими руками. И я не собираюсь позволять никому, даже человеку из моего прошлого, устраивать цирк в моём настоящем.

– Это вообще нормально? – продолжает возмущаться дамочка. – Ребёнок плюётся в машину! Это же варварство!

Илья бросает на неё короткий взгляд.

– Успокойся, – говорит сухо.

Но она не собирается успокаиваться. Такие женщины не умеют этого вовремя делать, когда они в центре событий. Если завелась, пока скандал не развернет не угомонится.

– Нет, это недопустимо! – повышает она голос ещё больше. – Я сейчас в сеть всё выложу! У меня сто тысяч подписчиков, между прочим! Такой обзор вам сделаю, что больше ни один уважающий себя человек даже в туалет к вам не зайдет.

Я почти усмехаюсь, потому что в этот момент абсурд ситуации становится настолько явным, что хочется рассмеяться прямо вслух, чтобы не заорать.

Ну конечно.

Блогершу себе нашёл.

Мне этот цирк порядком надоел и поэтому более не медлю.

Выхожу не торопясь в зал. Все взгляды постепенно сходятся на мне. Мастеров, клиенток, Веры. Все ждут, что же будет дальше.

– Простите, – произношу я, перекрывая шум, – что, собственно, здесь происходит?

Дамочка оборачивается ко мне первой.

Сканирует взглядом сверху вниз. Быстро, оценивающе. Видит простую рубашку, строгие брюки. И, кажется, не понимает, кто я: администратор? директор?

– Вы здесь главная? – спрашивает она раздражённо. – Вы вообще контролируете, что у вас происходит?

Я перевожу взгляд на Илью.

И он смотрит на меня так, будто я призрак из прошлого, который материализовался в самый неподходящий момент.

Офицер. Она (не) твоя
Виктория Золотова
https://litnet.com/shrt/gA-P

Хотела сделать мужу сюрприз, вернувшись из командировки пораньше, и застала своего благоверного между ног какой-то блондинки.

— Юль, ты всё не так поняла, — говорит подонок, вытирая ладонью рот.

Нащупываю рукой вазу и швыряю в предателя…

https://litnet.com/shrt/c7Mt

Глава 12

Дамочка открывает рот, явно собираясь продолжить свою тираду. Я уже вижу, как в её глазах вспыхивает очередной виток возмущения, как она набирает воздух, чтобы добить зал фразой уровня “я вам сейчас устрою”.

Но Илья вдруг резко обрывает её.

– Всё, – говорит он коротко.

Тон у него теперь совершенно другой. В нём больше нет бешенства, нет этой животной, неуправляемой злости. Появляется сталь и командные нотки.

Он берёт её под локоть с таким видом, что она больше не спорит.

– Нам пора, – чеканит холодно.

– Илюш, подожди, я вообще-то… – начинает она обиженно- капризно, как ребёнок, у которого отняли право устроить сцену.

Но Илья уже шагает к выходу, вытаскивая ее за собой на улицу. Будто она не взрослая женщина, а чемодан на колёсиках, который надо увезти подальше.

– Потом, – отрезает он.

И в этом слове столько приказа, столько окончательного закрыли тему, что дамочка, к моему удивлению, действительно замолкает.

Она проглатывает своё возмущение, потому что чувствует, что если перегнет палку, то будет хуже. Дальше он просто перестанет быть вежливым.

Она лишь мельком бросает на меня колючий, оценивающий взгляд, будто я лично виновата в том, что её мужчина сейчас не слушает её истерику. Будто это я испортила ей вечер, репутацию, настроение и, если бы могла, испортила бы ещё и жизнь.

И они идут к двери.

Я чувствую, как напряжение в зале начинает медленно спадать. Мастера чуть расслабляют плечи. Клиентки наконец вспоминают, что у них ногти недоделаны и начинают осторожно возвращаться в реальность.

У самой двери дамочка всё же не выдерживает. Такие люди просто не умеют уйти молча, им важно поставить финальную точку, желательно громкую. Она оборачивается и бросает через плечо, уже мне:

– Клиентоориентированность у вас, конечно, на высоте!

Я ловлю себя на том, что в голове вспыхивает десяток ответов. От язвительных до убийственно честных. Но я выбираю нейтральный.

Вежливо и профессионально улыбаюсь им вслед.

– Будем рады видеть вас снова, – отвечаю ровным тоном.

Вера едва заметно кашляет, чтобы скрыть смешок.

Кравцов на секунду оборачивается. Будто его что-то дёрнуло назад.

Наши взгляды встречаются.

И вот тут меня накрывает удивлением.

Он выглядит… растерянным.

Сбитым с толка, как человек, который вошёл в помещение с одной задачей. Отстоять своё, выплеснуть злость, добиться справедливости. И внезапно столкнулся с чем-то, что не вписывается ни в одну схему.

Он хотел разобраться.

Хотел выплеснуть злость.

А в итоге схватил свою истеричку под локоть и сбежал.

И я прекрасно вижу, что он уходит не потому, что так правильно, а потому, что ему стало… невыносимо здесь.

Настолько сильно, что он забыл про машину и про рябину.

На всё забил и вышел.

Я провожаю их взглядом до стеклянной двери.

Ну надо же.

Это же надо было одним своим видом, так настроение человек испортить...

А как же классика жанра? Выпить кофе. Сказать “давно не виделись”. Поговорить о жизни. Вспомнить старые добрые времена. Или как там обычно встречают бывших в кино? С паузой, взглядами, драмой, признаниями?

Мне на секунду хочется расхохотаться прямо вслух, потому что реальность, как всегда, выбирает самый идиотский сценарий.

Я бы, если честно, шваброй по хребту отходила за внезапное появление.

За то, что ворвался в мою жизнь, будто имеет на это право.

Но как-то не женственно это.

И главное — бесполезно. Швабра не залечивает старых ран.

– Девочки, работаем, – спокойно говорю я, возвращаясь в рабочий режим. – Всё нормально. Приношу извинения за неудобства, – добавляю я для клиентов. – Ситуация урегулирована.

Да уж...

Разворачиваюсь и иду к себе, и только сейчас понимаю, что ладони вспотели. Сердце всё ещё стучит быстро и где-то в горле. Внутри странная смесь адреналина и облегчения.

Теперь мне нужно сделать одно простое, но очень важное действие. Поговорить с сыном.

Ваня всё так же сидит в своей засаде. Всё в том же шкафу, среди полотенец, только теперь выглядывает наружу, как партизан из окопа.

– Ушёл? – спрашивает осторожно.

– Ушёл, – отвечаю я, закрывая за собой дверь. – Иди-ка сюда.

Он неторопливо вылезает, будто до конца не уверен, что его сейчас не казнят.

– Сильно орал? – спрашивает он первым.

Я скрещиваю руки на груди.

– Сильно.

Он сокрушенно вздыхает.

– Я так и понял.

Смотрю на него внимательно.

– Ваня. Только не ври мне. Что случилось?

Он вздыхает ещё драматичнее, по-взрослому, как будто ему тридцать, а не восемь.

– Ну, скучно было, – начинает он. – Я залез на нашу рябину.

– Дальше.

– Жевал её, – продолжает он честно. – А она горькая. Ну я... и плевал вниз.

Прикрываю глаза на секунду. Я его этому не учила. Честно.

– Ваня…

– Я думал, в машине никого нет! – быстро добавляет он. – Она просто стояла.

– А потом?

– А потом он вышел, – морщится сын. – И стал говорить, чтобы я её мыл. Что я невоспитанный и уши мне не драли явно.

Я чувствую, как внутри снова шевелится злость.

– И?

– Ну я обиделся, – бурчит сын.

– И?

Он опускает глаза.

– Жест ему один показал.

– Какой жест?

Ваня поднимает на меня свои виноватые глаза. Тороплю его взглядом и сын с очередным тяжёлым вздохом, очень медленно, показывает мне средний палец.

– Ваня!

– Ну а что! – вспыхивает он. – Он первый начал!

Я глубоко вдыхаю.

– Дальше.

– Он меня за футболку поймал, – признаётся сын. – Но я вывернулся. И быстро сюда.

– Ох, Ваня… Ваня…

Он сразу настораживается.

– Без планшета неделя? – осторожно спрашивает.

– Месяц, – автоматически отвечаю я.

– Да блин! – взрывается он. – Я знал бы! Я бы ему ещё…

– Ваня!

Он замолкает.

– Понял-понял, – бурчит насупившись. – В следующий раз рогатку надо брать. Фиг он залетет на дерево.

Я сажусь на стул и смотрю на него серьёзно.

– Ты не имеешь права так себя вести. Ни с кем. Даже если тебя обидели. Особенно со взрослыми людьми. Приди и мне всё расскажи, а не обостряй еще больше конфликт.

Он молчит.

– Понял?

– Понял, – вздыхает сын.

Я тянусь к нему и притягиваю к себе.

Он сопротивляется секунду, но потом обнимает в ответ.

– Но знаешь что? – тихо добавляю я.

– Что?

– Я тебя очень сильно люблю. И никому в обиду не дам.

Он хмыкает.

– Я знал.

Я не выдерживаю и тихо смеюсь.

– Иди надень футболку, герой.

Он уходит, ворча себе под нос. А я остаюсь смотря в одну точку.

И только сейчас позволяю себе признать, что я очень рада, что Илья ушёл и не стал разбираться не в чем. Не узнал, что этот сорванец – его сын.

Искушение офицера

Таня Поляк

https://litnet.com/shrt/cpqQ

-

Ты как?

- Было лучше, пока ты не появился, - бурчу, отшатываясь от него.

- И это твоя благодарность, Бессонова?

- Спасибо.

- Окей, принято. Идём дальше.

- Куда это?

- Будь хорошей девочкой, мелкая. Показывай грудь.

Чёрт. Вот почему, когда на горизонте появляется Александр Семёнов в моей жизни происходит какой-то пи….

https://litnet.com/shrt/aInK

Глава 13

Илья

Руль под ладонями просто пылает, будто машина весь день жарилась на самом пекле и пропиталась этим летом до последнего винтика.

В салоне жуткая духота. Кондиционер кочегарит на полную, но толку от этого ноль. Жара всё равно просачивается отовсюду. Она лезет сквозь стёкла и металл, пропитывая воздух.

Такое чувство, что лету плевать на все мои настройки климат-контроля и на то, что я вообще-то пытался хоть немного прийти в себя и остыть.

Рулю чисто на автопилоте.

Руки сами крутят баранку, ноги жмут на педали. Мелькают повороты, светофоры, пешеходы...

Тело всё делает по привычке, четко и механически, а я вроде и смотрю на дорогу, но вообще её не замечаю. Весь город вокруг — это просто размытое пятно, какой-то фоновый шум из витрин и чужих машин.

Я ослеп для всего мира, потому что перед глазами, как назло, застыло лицо Томы.

Причем не как туманное воспоминание, а ярко, в деталях, будто она сидит прямо передо мной.

Твою мать, ну почему именно сейчас...

Столько лет прошло, а её лицо перед глазами, будто мы расстались восемь минут назад, а не восемь лет.

И куда только делись все эти сказки про время лечит, переболело и уже не цепляет?

Раз и всё, накрыло.

Она стоит там, в этом зале и смотрит на меня так, будто это не я тогда свалил в туман, а она меня выставила за дверь и забыла, как звали.

И что самое бесячее, она за эти годы стала нереально круто выглядеть. И дело не в макияже или в том, что жизнь удалась (в её глазах я никакой «красивой жизни» не увидел, я же не слепой).

Она просто стала другой. Более цельной, что ли, собранной. Знаете, как металл после закалки. В ней больше нет той девичей мягкости, когда хочется гладить по голове и обещать, что всё будет пучком.

У неё теперь взгляд взрослой женщины, которая ни о чём не просит и ничего не объясняет. Она не ломается и не строит из себя жертву, просто стоит спокойная, уверенная, и этим спокойствием прикладывает сильнее, чем любой истерикой.

Спина прямая, плечи ровные. И голос... Чёрт, этот голос, с легкой хрипотцой, будто она немного простужена. Он и тогда-то башку кружил, а теперь, он стал чуть ниже. Или мне так показалось. Ровный и холодный. Никакой дрожи, никаких соплей. Таким голосом не умоляют, им ставят перед фактом.

Я туда вообще летел на взводе, злой как собака.

В голове только одна мысль, как сейчас найду этого мелкого пакостника, проведу воспитательную беседу с ним и его родителями, а после потребую оплатить мойку моей машины. Потому что эта раздавленная рябина на жаре та еще дрянь. Липнет намертво и воняет.

Короче, я реально был настроен на скандал, хотел просто выпустить пар. И тут — бац, она. Не просто какая-то женщина, а Тома.

У меня будто дыхалку перехватило, сердце колом встало. Стоял как последний идиот и слушал, как Ксюха что-то там втирает про отзывы и сервис, а в голове только один вопрос: «Илья, какого хрена ты тут забыл?».

Я же был уверен, что давно всё это обрубил с концами. Специально сделал так, чтобы она меня возненавидела, потому что ненависть — это лучшая дистанция. Это бетонная стена, через которую не пролезть с разговорами по душам. Я сам хотел эту стену, потому что без неё наружу полезет всё... И дурацкие вопросы, и то, что я вообще никому не собирался показывать. А ей тем более.

– Илюш… – рядом бубнит Ксюша, не замолкая ни на секунду, будто тишина для неё смертельна. – Ты вообще видел, как она на меня посмотрела? Как будто я… как будто я никто!

Она возмущается так, будто ей в душу плюнули. И я же вижу, что ей плевать, что там случилось на самом деле. Весь кипиш из-за того, что её не превознесли до небес. Её бесит, что в комнате появилась женщина, которая не стала играть по её правилам, не засуетилась, не начала заискивать или пытаться понравиться.

У меня челюсть сводит так, что скулы ходят ходуном. И злюсь я даже не на Ксюшу, а на то, что приходится слушать этот бесконечный поток слов, когда у меня и так внутри всё по швам трещит.

Вообще, Ксюша нормальная. Ухоженная, яркая, подать себя умеет так, что мужики шеи сворачивают. Не глупая, с хваткой. В постели с ней всё чётко, без всяких капризов, да и в быту не нытик. Умеет быть удобной, когда ей это выгодно.

Но характер… характер у неё склочный.

Она вообще не чувствует, когда надо вовремя заткнуться. Ей мало просто закончить спор, ей нужно обязательно вкатать три восклицательных знака, чтобы все признали её правоту. Ей важно не разрулить проблему, а выйти победительницей, даже если ради этой победы приходится закатывать истерику на пустом месте.

– Она тебе вообще кто? – не унимается Ксюша, и в интонации появляется подозрительность, которую она пытается спрятать за раздражением. – Ты так… ты так на неё посмотрел. И ты меня увёл, как будто я мешаю. Я, между прочим, тебя защищала!

Я молчу. Просто рулю, вцепившись в баранку, и не свожу глаз с дороги. Там хотя бы всё понятно, в отличие от того, что у меня сейчас творится внутри.

А там всё перекошено и всмятку, как железо после жесткой аварии.

«Защищала она меня», ну надо же...

Я только усмехаюсь про себя, без тени радости.

Мне в ту минуту хотелось только одного: свалить. Просто исчезнуть, пока не ляпнул лишнего, пока не сорвался и не сделал шаг туда, куда мне теперь даже смотреть запрещено.

– Да что с тобой?! – Ксюша повышает голос. – Ты меня вообще слышишь?

Я резко выдыхаю через нос, будто сбрасываю лишнее давление, и наконец включаюсь в ее монолог.

– Забудь, – говорю коротко.

– Что забудь? – она обиженно поворачивается ко мне всем телом. – Ты серьёзно? Мне чуть ли не нахамили, ребёнок обплевал машину, ты вытащил меня оттуда как…

Она захлёбывается эмоциями, подбирая слова, чтобы сделать ситуацию максимальной эпичной. Я даже не дослушиваю.

– Забудь, – повторяю уже жёстче, чтобы не оставалось пространства для интерпретаций. – Я заеду на мойку. И хватит это мусолить.

Ксюша замолкает на секунду, как будто её выключили. Потом начинает давиться возмущением, глотает воздух, и я вижу боковым зрением, как у неё напрягается шея, как губы становятся тонкой линией.

– То есть… всё? – в её голосе появляется эта детская обида, которую она всегда включает, когда не получает своё. Когда ей не дают быть главной. – Я за тебя, между прочим там стояла!

– Ксюша, – перебиваю ее, не повышая голоса, но тон у меня холодный, командный. – Ты просто не умеешь остановиться вовремя.

Она на секунду будто не верит своим ушам. Брови взлетают вверх, глаза округляются. Она явно ожидала, что я сейчас начну её успокаивать, уговаривать, извиняться за то, что не поддержал. А я не извиняюсь.

– Ты при всех меня… – она запинается, ищет слово попроще, но не находит. – Ты меня выставил…

Я бросаю быстрый взгляд на неё.

– Я тебя не выставлял, – говорю ровно. – Я тебя вывел. Потому что мне не десять лет, и я сам вполне могу урегулировать любые вопросы.

Ксюша поджимает губы, напрягается и картинно отворачивается к окну. Вся такая обиженная и красивая, как умеют только женщины, привыкшие, что за ними сейчас начнут бегать и вымаливать прощение.

Но мне на её капризы сейчас глубоко плевать.

И не потому, что я сухарь, а просто все мысли забиты другим.

Самое паршивое, что мне до дикости захотелось перед Томой оправдаться. А оправдание — это очень плохое решение.

Я ведь реально надеялся, что больше никогда её не увижу. И дело вовсе не в том, что мне пофиг. Равнодушие — это когда смотришь на человека и чувствуешь пустоту, когда внутри вообще ничего не ёкает.

А у меня ёкнуло так, что я забыл обо всём на свете. И это, блин, и есть ответ. Мне не плевать. Как бы я ни корчил из себя невозмутимого, внутри всё кипит, и от этого накрывает бешеная злость. В первую очередь на самого себя.

Ведь я столько лет строил эту бетонную стену внутри, убеждал себя, что веду себя правильно. Что выбрал единственный способ не сломать ей жизнь рядом с собой. Стал для неё чудовищем, чтобы она ушла, возненавидела и наконец перестала ждать...

Маленькая слабость офицера
Алиса Лиман
https://litnet.com/shrt/J2PP

— Богатырев, — шипит друг. — Моя сестра тебе по хозяйству поможет, пока у тебя рука не заживет, а ты проследишь, чтобы она…

— Понял я, понял!

— Мира, знакомься, это мой друг и сослуживец, — Дамир походу говорит обо мне, но я просто отлетел куда-то в стратосферу, и тупо продолжаю пялиться на девчонку перед собой.

— Да мы вроде знакомы, — пожимает она плечиками.

И мне на секунду кажется, что сейчас она нас сдаст прямо с ходу.

Черт…

Только ни это. Ну почему именно она?

Мира молча удаляется к остальным гостям. А я так и стою в полном ауте.

Так вышло, что прошлой ночью я уже позаботился о чести его сестры, и… стал ее первым.

А эта зараза сделала со мной то, что ни одна женщина до нее — сбежала.

И теперь я даже знаю почему.

Жених, значит?..
https://litnet.com/shrt/ysuk

Глава 14

Тамара

Вечером, когда последняя клиентка уходит с лёгким звоном колокольчика, девочки начинают выключать лампы, щёлкают крышки баночек, убирают кисти по стаканчикам, протирают столы.

Я проверяю кассу, сверяю отчёты, закрываю программу, делаю пару отметок в блокноте. Прохожу придирчивым взглядом по залу.

Девочки смеются на кухне. Кто-то обсуждает отпуск, кто-то ругается на цены. И это всё такое привычное и родное.

Если бы не сегодняшнее событие, всё было бы как всегда. Типичненько.

Ваня сидит на диванчике у ресепшена, уже в футболке, откопанной из недр шкафа. Я ее на тряпки хотела пустить, но видимо ее время еще не пришло и она еще подюжит.

Лицо у сына недовольное, мрачное, будто это не он провинился, а весь мир его разом обидел. Уперся взглядом в пол, и эта его молчаливость меня тревожит больше, чем любые его хулиганства. Потому что после такого затишья обычно следуют еще более крупные проделки или гениальные идеи.

– Домой? – спрашиваю буднично, будто ничего особенного не произошло.

Он кивает, не поднимая глаз. Так. Похоже ему действительно стыдно. Но он не умеет в этом признаваться. Будет держать лицо до последнего. Такой у него характер. Весь в... меня!

Беру сумку, гашу свет в кабинете, и попрощавшись с девочками, выхожу с сыном на улицу.

Жара чуть спала, но воздух всё равно тёплый, густой. Двор перед салоном уже пустой. Только рябина у входа стоит невинная, как будто вообще не имеет никакого отношения к сегодняшнему спектаклю. Ветки чуть шевелятся от слабого ветерка.

Я на секунду останавливаюсь и смотрю на неё, и мне хочется то ли выругаться, то ли рассмеяться.

– Не смотри так, – бурчит Ваня, не глядя на меня. – Я больше так не буду.

У сына такой тон, будто рябина его лично подставила.

– Надеюсь, – отвечаю сухо, потому что мягкость сейчас может быть воспринята как слабость.

У обочины стоит тёмно-синий седан. Двигатель тихо урчит, за рулём сидит Стас.

Он всегда приезжает вовремя.

Ваня сразу забирается на заднее сиденье и продолжает молчать. Что для него редкость. Обычно он в машине начинает рассказывать, спорить, требовать мороженое, петь, ворчать.

Я же сажусь рядом со Стасом и устало выдыхаю.

– Привет, – говорит он, коротко улыбаясь.

– Привет.

Стас бросает быстрый взгляд в зеркало на Ваню.

– Что-то у нас Иван сегодня хмурый, – замечает он спокойно, выруливая в поток машин. – Кто обидел?

Ваня фыркает, как будто его задели за самое ценное.

– Я никого не боюсь.

– Я знаю, – усмехается Стас, неотрывно следя за дорогой. – Тогда почему вид такой побитый?

Я смотрю в окно. Не хочу начинать этот разговор сейчас, на нервах, после дня, который и так был слишком насыщенным. Но Ваня уже включается, потому что внутри у него не только стыд, но и желание всенародного признания.

– Я просто… – сын мнётся секунду, и это редкость. – Ну, я машину одному мужику обплевал.

Стас поворачивает голову к нему чуть-чуть, но быстро возвращает взгляд на дорогу. Я вижу, как у него мелькает улыбка на лице. Да он уже почти смеётся, но сдерживается, потому что чувствует мой возмущенный взгляд.

– В каком смысле обплевал? – уточняет он.

– Рябиной, – уточняет Ваня с достоинством, будто речь о продуманной операции. – Я думал, там никого нет.

Стас хмыкает.

– А дядя был?

– Был, – бурчит Ваня. – И орал.

– Сильно? – спрашивает Стас, и в голосе его уже слышится откровенное веселье.

– Сильно, – отвечает сын уже с меньшим энтузиазмом. – Но я убежал.

Стас всё-таки смеётся.

– Ловкий, – комментирует он одобрительно, а у меня всё внутри вскипает.

– Стас, – одёргиваю его.

– Что? –бросает он на меня быстрый взгляд. – Ну смешно же. Я в его возрасте вообще в чужие гаражи лазил.

– Нет. Это не смешно, – говорю жёстче, чем собиралась. – Это неправильно. Он должен был извиниться. И по-хорошему, помочь человеку помыть машину. А он легко отделался.

Ваня насупливается, как будто я отнимаю у него право быть крутым.

– Я бы помыл, – вновь бурчит сын. – Если бы он не орал.

– Действительно. Чего это он? – не могу сдержать сарказма.

Стас отмахивается одной рукой, не споря всерьёз, просто в своём стиле.

– Том, брось. Все мальчишки хулиганят. Это нормально.

– Нет. Нормально — это воспитывать, а не закрывать глаза на всё, как делала я. И вот к чему это всё привело.

– И что теперь? На горох его коленками поставим? – Стас слегка улыбается. – Он же не стекло разбил, не человека ударил.

– Так с этого всё и начинается, – качаю головой в несогласии. – Убежать же проще, чем исправить. И если он сейчас запомнит, что это нормальное поведение, то потом будет хуже.

Ваня вздыхает громко, демонстративно, так, чтобы все услышали, какая мама у него невыносимая.

– Я уже наказан же. Ты планшет забрала, – напоминает он.

– И этого мало, – отвечаю я.

– Да блин… – шепчет сын себе под нос, но достаточно громко, чтобы я услышала.

Стас смеётся снова, но уже мягче, будто пробует примирить нас.

– Вань, ты не переживай, – произносит бодро, подмигивая в зеркало. – Мама у тебя строгая, но справедливая.

– Очень строгая, – подтверждает сын, и в этом столько драматизма, будто я лишила его гражданских прав.

Я качаю головой.

Мне не легче от того, что Стас смеётся. Я понимаю его. Он мужчина, для него это ерунда. Но для меня это не просто рябина. Для меня это граница. Это понимание, что нельзя делать всё, что хочется, только потому что можешь убежать. Потому что в жизни потом не убежишь. И не всегда у мамы в шкафу спрячешься и не каждый рраз жертвой будет биологический отец...

– Я думала ты мне ему объяснить всё поможешь, а не хвалить его будешь, – произношу с обидой, негромко, адресуя свою фразу исключительно Стасу.

Он кивает, уже с более серьёзным видом.

– Я объясню. Просто сначала разрядить надо было.

Он прав по-своему. Я — по-своему.

Между нами вообще часто так: он умеет снять напряжение шуткой. Он мягче, я жёстче. Мы как будто дополняем друг друга…

У супермаркета парковка почти пустая. Стас выходит первым, привычно открывает нам двери.

В магазине Ваня уже оживает. Бежит к тележкам, толкает её слишком быстро, и я автоматически, как по команде, говорю:

– Не носись…

– Да я аккуратно! – возмущается сын с таким видом, словно его оклеветали.

Но скорость всё равно сбавляет. Стас же спокойно забирает у него тележку и сын не спорит. Вот умеет он сделать так, чтобы дисциплина не выглядела наказанием.

Мы вместе уже почти два года. Всё начиналось медленно, почти осторожно.

Сначала он просто подвозил с работы. Потом остался на ужин. Стал забирать Ваню после школы, если у меня завал в салоне. И однажды я поймала себя на том, что, если Стас задерживается и не отвечает сразу, мне становится некомфортно.

Он постепенно вошёл в нашу с Ваней жизнь и занял там своё место.

Стас никогда не пытался заменить Ване отца. Он не сюсюкал, не покупал любовь подарками, не играл с ним в лучшего друга. С первого дня он общался с ним как с пацаном. Спокойно, без снисходительности. И Ваня это принял.

Украдкой смотрю на профиль Стаса. Жёсткая линия челюсти, спокойный взгляд. Он не идеальный. Может быть резким и упрямым. Может спорить до последнего, если уверен, что прав. Он не стелится передо мной. Если считает, что я перегибаю, то скажет прямо.

И именно это меня когда-то в нём и зацепило.

Так что к лучшему, что у Ильи своя жизнь и он сегодня просто сбежал. Так как у меня тоже уже своя выстроенная жизнь. Мы стали с ним двумя параллельными прямыми и нет нам причин пересекаться...

Тайная страсть офицера
Чарли Ви
https://litnet.com/shrt/gdJb

Я узнала его сразу.

Он пришёл в дом моего отца как охранник. На самом деле, Арсений Соколов, капитан полиции под прикрытием.

Я могла бы сдать его в ту же минуту, но вместо этого предложила сделку.

Он помогает мне сбежать — я храню его тайну.

Всё просто. Без чувств. Без угрызений совести.

Но когда за мной начинается охота, он без раздумий бросается на мою защиту.

Теперь я понимаю, что самое опасное — это не мой отец, а то, как нас тянет друг к другу.

И как трудно остановиться, когда нельзя даже начинать.
https://litnet.com/shrt/tWOu

Глава 15

Илья

Механический гул автомойки заполняет салон, превращая автомобиль в подобие герметичной капсулы, зажатой в челюстях огромного стального зверя.

Вода хлещет по стеклам, дробя свет фонарей в неразборчивый калейдоскоп, пока густая пена медленно сползает вниз.

Машина медленно выкатывается из тоннеля мойки. Вода стекает по стеклу, дворники смахивают её ленивыми движениями.

Я провожу влажной салфеткой по кожаному ободу руля, фиксируя идеальный результат: безупречный глянец, полное отсутствие изъянов. Машина снова выглядит так, будто только что сошла с конвейера, транслируя окружающим образ абсолютного порядка.

Телефон вибрирует на панели.

Экран оживает, настойчиво требуя внимания, возвращая в мир, где всё измеряется графиками и обязательствами.

– Да, – бросаю я в пустоту салона, даже не глядя на имя вызывающего.

– Илья Владимирович, – голос в динамике звучит сухо и натянуто. – У нас обрыв по Пермскому контракту. Логистика встала, поставщики ушли в отказ, они утверждают, что…

Я слушаю этот поток тревожных новостей вполуха, ощущая, как сознание привычно переключается в режим холодного анализа. Работа всегда остается моим убежищем. Территорией жесткой логики, где любая задача сводится к алгоритму, а человеческий фактор купируется цифрами. Здесь нет места рефлексии; здесь есть только причины и их следствия.

– Сроки? – бросаю отрывисто.

– Край завтрашнее утро.

– Перебрасывайте через резервный склад. Прямо сейчас. Я в курсе, что бюджет выйдет за рамки, но нам нужна репутация, а не экономия. Делайте.

Разговор продолжается, пока я машинально тянусь к заднему сиденью за ноутбуком. Пальцы внезапно натыкаются на что-то мягкое, почти невесомое. Ткань.

Медленно вытягиваю находку на свет. На ладони лежит белая футболка с нелепым, ярким принтом. Этот клочок хлопка в одно мгновение обрушивает всю выстроенную баррикаду из чистоты, логистики и контрактов.

Мир замирает. В трубке всё еще что-то доказывают, приводят аргументы, взывают к здравому смыслу, но все эти звуки доносятся словно из-за толстого слоя воды.

– …Илья Владимирович, вы слышите?

– Слышу, – отвечаю автоматически. – Сделайте, как я сказал, – чеканю в трубку, окончательно возвращаясь в реальность. – И не тяните до утра.

– Хорошо, Илья Владимирович. Понял вас.

Я обрываю вызов. Бросаю футболку на соседнее сиденье. Белое пятно на темной коже.

«Вернуть надо бы».

Мысль всплывает сама собой, без логических обоснований. Просто надо вернуть. Это правильно. Я усмехаюсь собственному порыву. Правильно ли? Или это всего лишь повод, за который я хватаюсь, чтобы снова увидеть её?

Откидываюсь на спинку кресла и медленно, сквозь зубы, выпускаю воздух. Черт. Логика подсказывает: это сын кого-то из персонала. В салоне крутилось человек восемь, кто-то мог привести ребенка на работу. Обычное дело.

Двигатель оживает с едва слышным рокотом, приборная панель вспыхивает мягким неоном, и я плавно выруливаю на дорогу. За окном постепенно вечереет.

Я веду на автомате, не фиксируя повороты и светофоры. И только когда поворачиваю на знакомую улицу, осознаю, куда меня привезли инстинкты. Поднимаю взгляд и криво усмехаюсь. Знакомая вывеска, тот самый салон.

Твою мать. Останавливаюсь у обочины, глядя на стеклянные двери. Никаких волевых решений я не принимал, не было никакого «еду возвращать». Я просто ехал и оказался здесь.

Телефон на панели вновь начинает вибрировать. Ксюша. Имя горит на экране, как сигнальная ракета, предупреждающая о неминуемом столкновении.

Прикрываю глаза, и в голове всплывает, что сегодня знакомство с её родителями. Черт, я выкинул это из головы, как ненужный спам.

– Да.

– Илья, где ты?! – в тоне ее звенят истерические нотки. – Мы ждем тебя уже полчаса!

– Я в дороге, – отвечаю коротко, чувствуя, как внутри закипает глухое раздражение.

– В дороге куда? Родители уже за столом, мама в десятый раз спрашивает, не передумал ли ты! Папа специально приехал из области...

– Ксюша, – перебиваю я тихо, но жестко, – я сказал же, что буду. Через двадцать минут.

Она замолкает на мгновение. Я физически ощущаю её обиду через километры сети.

– Ладно. Ждем. Но давай быстрее.

– Постараюсь.

Бросаю телефон на панель. Включаю передачу, смотрю в зеркала. Нужно уезжать. Глупо сидеть здесь, как пацан под окнами школы в надежде на случайную встречу. Моя жизнь расписана, в ней есть Ксюша, её родители, рабочие проблемы.

И в этот момент дверь салона распахивается.

Я вижу её мгновенно. Тома выходит первой, и закатное солнце подсвечивает её волосы, смягчая черты лица, делая её образ менее официальным, чем вчера.

Она на ходу снимает резинку с запястья, собирает волосы в хвост и что-то говорит, оборачиваясь.

И следом за ней выбегает мальчишка. Тот самый.

Ошибки быть не может. Она крепко держит его за руку.

У меня перехватывает дыхание. Пацан что-то увлеченно рассказывает, активно размахивая свободной рукой, а она слушает его с тем особенным вниманием, которое бывает только у матерей. Он дергает её за руку, она наклоняется и улыбается ему.

Я вглядываюсь в него сквозь лобовое стекло. Лет восемь-девять. Худой, жилистый, с острыми коленями и вечно растрепанным вихром.

В нем столько бьющей через край жизни, что кажется, он не идет к машине, а летит, едва касаясь земли. Упрямый, активный... хулиганистый.

И в этот миг внутри меня всё с треском обрывается. Резкая, ледяная, вытесняющая кислород пустота заливает грудную клетку.

Это...

Мысль настолько громкая, что я почти оглушён. Это сын Томы?

Глава 16

Просто смотрю через лобовое стекло, которое внезапно стало экраном чужой, закрытой для меня жизни.

Тёмный седан уже ждет их у края тротуара. За рулем угадывается чей-то силуэт, но отсюда, из своего укрытия, я вижу лишь неясные очертания того, кто занял это место.

Тома открывает заднюю дверь, помогая мелкому взобраться внутрь, и он исчезает в недрах салона, так и не закрыв рот ни на секунду.

Перед тем как закрыть дверь, она на мгновение замирает и просто кладет ладонь ему на макушку, коротким, обыденным жестом взъерошивая волосы. И этот простой, доведенный до автоматизма знак нежности бьет по мне сильнее, чем если бы она обернулась и посмотрела мне прямо в глаза.

Она садится на переднее сиденье, и тяжелый хлопок двери ставит точку в этой сцене. Машина плавно трогается с места.

Я продолжаю смотреть, не в силах отвести взгляд, провожая глазами габаритные огни, которые становятся всё меньше и тусклее, пока окончательно не растворяются в потоке за поворотом.

Только когда улица пустеет, я замечаю, что костяшки пальцев, вцепившихся в руль, побелели от напряжения. Усилием воли заставляю себя разжать хватку.

Сколько ему может быть?

На вид лет семь, может быть, восемь. В голове против воли включается безжалостный счетчик, отсчитывающий годы назад.

Получается... Это случилось почти сразу после того, как мы расстались.

Значит, она кого-то встретила. Это логично, это правильно. Жжизнь не обязана замирать в той точке, где я ее оставил.

Наверное, замуж вышла.

А может... я криво усмехаюсь собственным мыслям... а может, и там не всё гладко. Мужики ведь разные бывают, и не каждый способен оценить то, что имеет.

Эта мысль оставляет во рту мерзкое, кислое послевкусие. И дело не в том, что я желаю ей провала или боли. Нет, я не настолько мелок.

Просто мне невыносимо осознавать сам факт присутствия кого-то другого в ее жизни. Что он всегда рядом. И днём и ночью...

Я резко поворачиваю руль, заставляя себя очнуться. Хватит. У меня сегодня свои маршруты, своя, выстроенная по линеечке жизнь и встреча, на которую я уже опоздал.

Выезжаю со стоянки, вливаясь в вечерний поток, стараясь не смотреть в зеркало заднего вида.

Через пятнадцать минут я на месте. Смотрю на забитую до отказа стоянку и бросаю взгляд на циферблат: сорок минут опоздания.

Для человека, который привык ценить чужое время, это паршивое начало, почти капитуляция перед обстоятельствами.

Открываю сообщение от Ксюши: «Мы за столом у окна».

Внутри меня встречает обволакивающая смесь звуков и официанты с приветливыми улыбками.

Ксюшу я узнаю мгновенно. Напротив нее сидят двое: мужчина лет шестидесяти и женщина его возраста. В них читается та особая порода людей, которые привыкли к качественному сукну костюмов, хорошим ресторанам и праву задавать вопросы первыми.

Ксюша замечает меня, и в её «Наконец-то!» смешиваются облегчение и скрытый укор. Я подхожу, чувствуя на себе два оценивающих взгляда.

– Добрый вечер, – произношу с улыбкой и только сейчас понимаю, что совсем забыл про цветы.

– Папа, мама — это Илья.

Мужчина поднимается и крепко жмет мне руку. Взгляд у него прямой, цепкий.

– Сергей Викторович. Это моя супруга, Наталья Петровна.

– Илья Владимирович.

Он сканирует меня с ног до головы.

– Садитесь, – кивает на стул.

Официант материализуется из ниоткуда, наполняя бокалы водой. Первые минуты мы топчемся на нейтральной территории. Обсуждаем пробки, вечерний город и погоду, обмениваясь дежурными фразами.

Но вот Сергей Викторович откидывается на спинку стула, и его взгляд становится тяжелее.

– Ксения упомянула, что вы служили.

Коротко киваю, стараясь сохранить лицо непроницаемым.

– Было дело.

– Где именно? – он прищуривается, и я понимаю, что простыми ответами сегодня не обойтись.

Делаю глоток воды.

– Юг.

В воздухе повисает пауза. Ксюша пытается разрядить обстановку нервной улыбкой: «Пап, ну зачем сейчас об этом...», но он уже вошел в азарт исследователя.

– Горячая точка? Сейчас редко встретишь тех, кто прошел через это и сохранил трезвый взгляд на вещи и свою жизнь. Мне действительно любопытно. Как вы туда попали? Контракт?

Я ставлю бокал на стол. Тихий стук кажется мне оглушительным. Внутри начинает медленно закипать то самое раздражение, которое я так долго учился подавлять.

– Да. Контракт. Это всё в прошлом, – чеканю я, показывая всем своим видом, что тема неприятная и пора бы ее закрыть.

– И долго вы там пробыли? – он продолжает давить.

– Недолго. Сейчас я занимаюсь логистикой, у меня своя фирма. Пока небольшая, но...

– Ксения говорила, – отмахивается он, как от крайне неинтересной для него темы. – Это хорошо. Те, кто прошел через подобное, обычно умеют держать удар. Что там было самым сложным, Илья?

И в этот момент мир вокруг начинает меняться. Голоса гостей, звон бокалов и музыка сливаются в единый, нарастающий гул. Этот шум в ушах — мой старый знакомый. Он становится громче, перекрывая реальность.

Я вижу перед собой богатый стол, холеную женщину и уверенного в себе мужчину, но в сознании на долю секунды вспыхивает другой свет. Ослепительно белый, безжалостный, как солнце в зените над выжженным плато. Запах дорогого стейка внезапно сменяется запахом разогретого металла и пыли.

Я резко отодвигаю стул и поднимаюсь, чувствуя, как спина становится ледяной.

– Прошу прощения. Мне нужно выйти.

– Все нормально? – в голосе Ксюши слышится настоящая тревога.

– Я сейчас вернусь.

Я иду в сторону туалетных комнат, чувствуя, как пол под ногами кажется слишком зыбким.

Туалетная комната встречает меня запахом дорогого парфюма, который сейчас кажется удушающим. Здесь пусто, и эта внезапная изоляция от праздного гула ресторана действует как детонатор: тишина не успокаивает, она звенит.

Я рывком открываю кран, и поток ледяной воды с шумом разбивается о фаянс раковины. Сначала я подставляю руки, чувствуя, как холод впивается в кожу, заставляя кровь отливать от кулаков, а затем жадно плещу водой в лицо.

Ледяные капли стекают за шиворот, обжигая шею, и это физическое ощущение единственное, что сейчас удерживает меня в реальности, не давая соскользнуть в ту слепящую белизну, которая только что едва не поглотила обеденный зал.

Упираюсь руками в края раковины, глядя на свое отражение в зеркале сквозь пелену воды. Нужно дышать. Просто дышать.

Вдох на четыре счета, задержка, выдох.

Но шум в ушах — этот вязкий, монотонный гул перегретого двигателя и свист раскаленного воздуха, не уходит сразу. Он накатывает тяжелыми, ритмичными волнами, сдавливая виски изнутри.

Достаю из кармана брюк смятую пластинку, выдавливаю одну таблетку и кладу ее на язык. Горький, химический вкус моментально вяжет рот.

Сделав пару глотков прямо из-под крана, я жду. Через пару минут в голове действительно становится чуть светлее, давление в груди отпускает, но это не победа, а лишь временное перемирие.

Такое со мной теперь случается редко. Я научился строить стены, научился успокаивать воспоминания. Но иногда, когда кто-то вроде Сергея Викторовича начинает с дилетантским любопытством копаться в том, что я давно объявил мертвой зоной, эти стены дают трещину.

Я снова умываюсь, позволяя воде свободно стекать по лицу, не вытираясь. В этот момент за спиной слышится едва уловимый шорох. Я не оборачиваюсь.

Через секунду я чувствую волну живого тепла. Ксюша подходит сзади и всем телом прижимается к моей спине, будто пытаясь своим хрупким весом удержать меня от падения в ту пропасть, которую она чувствует, но не видит. Её руки обнимают меня крепко, почти отчаянно, а пальцы сплетаются у меня на груди.

– Прости, – шепчет она мне в лопатки, и в её голосе столько искренней боли за меня, что мне становится почти стыдно за свою слабость.

Я закрываю глаза, чувствуя, как бешеный ритм сердца в груди начинает медленно подстраиваться под её спокойное дыхание. Я просто стою, впитывая это тепло и понимая, что сейчас это единственная точка опоры во всем этом нарядном и чужом мире.

Глава 17

Смотрю на собственное отражение, как на чужого.

Лицо мокрое. Капли воды стекают по вискам, скрываются за воротник рубашки.

Шум в ушах постепенно стихает.

Не сразу. Волнами.

Сначала уходит самая мерзкая, режущая часть. Та, от которой звук становится как из-под воды и всё начинает раздражать до ярости.

Потом остаётся только глухой гул. Но с ним я уже научился жить.

Не в первой.

И если честно, меня бесит не сам откат, а причина.

Не разговор о службе. Не вопросы.

Тома. Именно встреча с ней подорвала выдержку.

Я выпрямляюсь.

Хватит.

Дышу глубже, умываюсь ещё раз, стряхиваю воду с пальцев. Таблетка уже начинает работать.

Ксюша все еще стоит за моей спиной, не разжимая рук.

– Полегче? – спрашивает она едва слышно.

– Да, – отвечаю сухо.

Это не совсем правда. Такие вещи не проходят бесследно за пять минут, они просто отступают в тень, затаиваясь до следующего триггера, но этого ответа достаточно, чтобы мы оба могли сделать следующий вдох и вернуться в игру под названием «знакомство с родителями».

Я медленно разворачиваюсь в кольце ее рук. Ксюша смотрит на меня снизу вверх, и в её глазах я вижу неприкрытую тревогу. Она не злится за сорванный ужин, не обижается на моё внезапное бегство; она просто боится за меня, и это её сопереживание кажется мне сейчас ценнее всех вежливых слов.

– Спасибо, – благодарю негромко.

Она часто моргает, на мгновение сбитая с толку, будто я сказал что-то на забытом языке, которого она не ожидала услышать.

– За что? – шепчет она, всматриваясь в моё лицо.

– За то, что понимаешь, – я смотрю ей прямо в глаза, и на долю секунды дистанция между нами сокращается до минимума.

Ксюша криво, немного горько улыбается.

– Запомню этот исторический момент, – произносит она, пытаясь вернуть беседе легкость, которой нам обоим сейчас так не хватает. – Илья Владимирович умеет быть признательным, это стоит записать в хроники.

Я чуть качаю головой, чувствуя, как внутри окончательно встают на место все предохранители. Шум в ушах стих, оставив после себя лишь легкую пустоту и готовность доиграть этот вечер до конца, чего бы мне это ни стоило.

– Пошли, – мягко освобождаюсь из её объятий, поправляю манжеты и первым направляюсь к двери, снова надевая маску спокойного, уверенного в себе человека.

При нашем появлении, родители Ксюши поднимают на меня настороженные взгляды.

Я неспешно беру салфетку, расправляю ее на коленях и делаю глоток воды, чувствуя, как внутри окончательно выстраивается глухая оборона.

– Прошу прощения, – произношу ровно. – Я готов продолжить. Что именно вас интересует?

Сергей Викторович оживляется мгновенно. В глазах его вспыхивает азарт человека, который привык дожимать ситуацию и не терпит белых пятен в биографии тех, кто входит в его ближний круг.

– Ну раз вы сами предлагаете, – произносит он, откладывая нож с таким видом, будто мы переходим к самому главному раунду переговоров. – Тогда начнем с простого. Почему ушли со службы?

Я смотрю ему прямо в глаза, не позволяя себе ни моргнуть, ни отвести взгляд.

– После ранения.

За столом что-то меняется. Мать Ксюши едва заметно напрягается, а сама Ксюша опускает глаза, изучая рисунок на скатерти.

Но Сергей Викторович, человек другой закалки, он не отводит глаз, продолжая этот негласный поединок.

– Серьезного?

– Да.

– Простите за прямоту, – извинения его совершенно формальны. – Это была причина вашего ухода?

– Да.

Я чувствую, как он пытается аккуратно прощупать почву, торгуясь за право доступа к моей личной территории, но я не собираюсь оставлять место для домыслов. Недосказанность порождает ненужные фантазии, а мне нужна ясность.

– Если не секрет, насколько серьёзного?

Я беру бокал, делаю глоток.

– Настолько, что вместо одной ноги у меня теперь протез.

Ксюшина мать тихо ахает.

Сергей Викторович молчит секунду. И я продолжаю сам.

– Ниже колена, – продолжаю я буднично. – Правая нога. Рабочий протез, не из дешевых. Хожу нормально, машину вожу без ограничений, работаю по четырнадцать часов в сутки. Бегать марафоны не собираюсь, но жить умею полноценно.

Пауза становится неподъемной. Я вижу, как в глазах Натальи Петровны жалость начинает вытеснять настороженность, и это худшее, что может произойти.

Я кожей чувствую, как они начинают примерять на меня образ «жертвы», и рублю это на корню, пока метастазы сочувствия не расползлись.

– Это не повод смотреть на меня как на инвалида, – говорю ровно. – Это повод понимать, почему я закрыл тот этап.

Сергей Викторович медленно кивает.

– Принято.

Он делает торопливый глоток воды.

– Тяжело было?

Я усмехаюсь.

– А как вы думаете?

Он отвечает не сразу.

– Думаю, очень.

– Значит, правильно думаете.

Ксюша накрывает мою руку своей ладонью, но я убираю ее. Хватит на сегодня поддержки.

– После реабилитации, я понял, что возвращаться «в строй» не хочу. Не из-за страха. Просто у каждого мужчины есть предел, за которым нужно делать выбор. И я выбрал... Занялся логистикой не сразу. Сначала хватался за любые возможности, пробовал, ошибался. Потом собрал людей, в которых уверен. Сейчас фирма небольшая, но она живая, без долгов и с понятными перспективами. Перевозки, склады, работа по регионам. Всё сам. С нуля.

Он откидывается на спинку стула, и теперь он смотрит на меня совсем иначе. В его взгляде больше нет того колючего недоверия, с которым встречают подозрительного претендента на руку дочери. Теперь там уважение.

Может именно поэтому я внезапно чувствую потребность выложить карты на стол, не прячась за удобными полутонами и вежливыми недомолвками.

– Я искренне благодарен Ксении за то, что она сейчас со мной, и за её терпение, которое порой кажется мне безграничным, – произношу я удивительно спокойно, почти отстраненно. – Но я вполне пойму вас как родителей, если вы не одобрите её выбор. Более того, я сочту вашу позицию логичной и обоснованной.

Ксюша резко поворачивает голову в мою сторону, и я боковым зрением вижу, как в её глазах вспыхивает протест, смешанный с непониманием.

– Илья… – начинает она, но я слегка поднимаю руку, призывая её дать мне закончить.

– Я человек с тяжелым багажом, который не сбросить на обочине. У меня есть прошлое, о котором я не планирую рассказывать за семейным ужином, и здоровье, которое, несмотря на все усилия медицины, никогда не вернет мне прежнюю легкость. Если вам кажется, что вашей дочери нужен более понятный, предсказуемый и, если хотите, «простой» вариант для жизни, то я не стану вступать в споры. Я первый соглашусь, что она заслуживает лучшего.

Сергей Викторович смотрит на меня долго, не мигая, будто взвешивает каждое моё слово. А потом он коротко, почти беззвучно, хмыкает.

– Да бросьте вы, Илья, – говорит он неожиданно мягко, и эта перемена в тоне заставляет меня внутренне подобраться. – Сейчас парни пошли такие, что смотреть тошно… одни девки и тачки на уме. Ни внутреннего стержня, ни царя в голове. Сегодня у них один бизнес-план, завтра другой, а послезавтра они выдают «я еще не определился в жизни». А вы прошли через мясорубку, после которой человек либо окончательно ломается, либо закаляется до состояния монолита. Судя по тому, что я вижу перед собой, вы цену жизни и каждому прожитому дню знаете не по учебникам.

Я молчу, потому что на такие слова нет заготовленных скриптов.

– А это, Илья Владимирович, в конечном счете важнее любых идеальных ног и красивых сказок о вечном счастье. Моя дочь — взрослая женщина, а не восторженная девочка. Ей не сказочный принц нужен, который исчезнет при первом запахе пороха. Ей нужен человек, который не побежит, когда станет по-настоящему трудно.

Ксюша смотрит на отца с почти детским, нескрываемым удивлением, будто впервые за много лет услышала от него то, что он на самом деле думает о людях. Наталья Петровна аккуратно промокает губы салфеткой и добавляет едва слышно, но веско:

– Главное, Илья, чтобы вы были друг к другу бережны. Мир и так слишком колючий, чтобы еще и дома отношения выяснять.

Я коротко киваю.

И оставшаяся часть вечера течет ровнее, разговор переходит в спокойное русло, но где-то глубоко внутри меня по-прежнему гуляет сквозняк.

В груди всё равно остается странная, вакуумная пустота.

Не потому, что знакомство прошло плохо, напротив, оно прошло идеально. Просто в такие моменты я особенно остро чувствую, что меня здесь как будто наполовину нет.

Из ресторана мы выходим уже затемно.

Ксюша идет рядом, почти приплясывая от избытка эмоций; она что-то увлеченно говорит, и в её голосе звучит та самая торжествующая нотка облегчения, которую невозможно скрыть.

Она пересказывает реакцию матери, по-своему интерпретирует суровые кивки отца и без конца повторяет: «Ну вот, Илья, я же тебе говорила, что всё будет нормально, что они поймут», попутно замечая, как редко Сергей Викторович удостаивает кого-то подобным уважением.

Я молча открываю ей дверь, дожидаюсь, пока она устроится в кресле, и сажусь за руль.

Ксюша продолжает говорить. Я же смотрю в лобовое стекло на огни большого города, но вместо них перед глазами начинает проступать совсем другой пейзаж.

Меня неумолимо затягивает туда, где всё началось...

Дорогие читатели, приглашаю вас в свою новинку!

Любимая женщина офицера

*https://litnet.com/shrt/Z9D_*

Ты же понимаешь… – девица кривит губы, окидывая меня оценивающим взглядом с ног до головы. – Пока мужики на передовой, дома их жёны ждут. А такие как ты… просто снимают напряжение. Ты удовлетворяла моего мужчину. Спасибо.

Она кивает в сторону двери, и добавляет с широкой улыбкой:

– Теперь свободна. Жена приехала.

_____

Это не может быть правдой!

Я выхаживала его, когда врачи говорили, что он может не дожить до утра.

Мы венчались... И он клялся, что у него ни жен, ни детей нет!

А теперь на моем пороге стоит его жена и дочь...

Если он солгал мне… солгал перед Богом… то я просто так это не оставлю.
https://litnet.com/shrt/cnEb

Глава 18

Почти девять лет назад

Ночь стоит на удивление тёплая, из тех редких, по-настоящему летних ночей, когда воздух не остывает даже спустя часы после заката.

Уличные фонари попадаются редко, их тусклый свет выхватывает лишь небольшие участки тротуара, оставляя между ними глубокие провалы темноты, из-за чего привычная дорога домой кажется сейчас намного длиннее.

Шагаю неторопливо, и вовсе не потому, что устал после долгого дня или меня клонит в сон. Нет. Я просто отчаянно, всеми силами не хочу, чтобы этот фантастический вечер заканчивался.

Всего несколько минут назад я проводил Тому до её подъезда.

Она стояла там, в своём лёгком платье, которое так шло ей и едва касалось коленок. Тома смотрела на меня снизу вверх, чуть закинув голову, и эта её застенчивая улыбка вышибала из лёгких весь воздух, заставляя сердце бухать о рёбра, как шальное.

Ладонями поглаживал ее поясницу, сминая податливую ткань платья, ощущая под ней тепло её кожи.

Притянул её ближе, вжимая хрупкое тело в своё, вдыхая нежный запах, от которого башка шал кругом.

Дыхание моей девочки сбилось, стало прерывистым и горячим, обжигая мне шею.

Запустил пятерню в её волосы, не заботясь о причёске. В этот момент нежность во мне перемешалась с какой-то первобытной, дикой жаждой. Хотелось и спрятать её от всего мира, и одновременно сорвать это чертово платье прямо здесь.

Я наклонился, с жадностью целуя ее. А потом вдруг перешёл на рваный, отчаянный шёпот, выдыхая её имя прямо ей в рот.

Она ответила так же горячо, вцепившись пальцами в мои плечи, выгибаясь навстречу, и в этом её безмолвном ответе было столько страсти и безоговорочного доверия, что у меня перед глазами всё поплыло.

В груди пекло так, что казалось вот-вот мотор не выдержит. Это была не просто влюблённость, это была какая-то одержимость, вперемешку с тихим, почти болезненным обожанием.

– Напишешь мне сразу, как только дойдёшь? – спросила она негромко, отстраняясь.

И в её голосе, как всегда, проскользнула эта трогательная, едва заметная забота, которую я ценил больше всего на свете.

– Обязательно напишу, – пообещал я, стараясь говорить серьёзно, хотя улыбка сама собой просилась на лицо.

– Смотри, не забудь. Я буду ждать.

– Да ладно тебе, Тома. Я когда-нибудь хоть раз забывал это сделать?

Она забавно фыркнула, смешно сморщив нос. Не выдержав, я тогда наклонился к ней и поцеловал её еще раз. На этот раз поцелуй вышел быстрым, почти мимолётным, но таким пьянящим и горячим, что у меня до сих пор, кажется, губы помнят его.

Тома чуть отстранилась, мягко положив ладонь мне на грудь, и шепнула, оглядываясь на окна:

– Всё, иди уже, давай, пока мама случайно в окно не выглянула и нас не засекла.

Теперь я иду по дороге домой и думаю о ней. Уже мысленно начинаю выстраивать наше будущее у себя в голове, кирпичик за кирпичиком.

Думаю о том, что пора завязывать с этими свиданками и пора снять квартиру, где-нибудь поближе к парку, чтобы ей было где гулять. Потом свадьба. А дальше… дальше дети, дом, тихие вечера вместе.

Всё это будущее кажется мне сейчас таким осязаемым, что я готов поклясться, что уже вижу. Я определился по жизни. И мне чертовски нравится тот маршрут, что выстраивается.

Где-то вдалеке, за полосой редких деревьев, глухо рычит мотор. Пролетает одна машина, следом вторая.

Я уже почти дохожу до поворота, как вдруг пространство за спиной разрезает визг тормозов.

Черный внедорожник влетает мне наперерез внезапно. Машина резко тормозит в паре метров от меня. Я останавливаюсь на автомате, тело напрягается, машинально принимаю стойку, готовый к драке в любой момент. Инстинкты просыпаются мгновенно, выбрасывая в кровь порцию адреналина.

Тяжелая дверь распахивается, из салона звучит ритмичная музыка.

– Кравцов?! – рявкают басом.

Из внедорожника вываливается крупный, литой мужик, в черной футболке, которая обтягивает развернутые плечи и грудь так плотно, что сразу понимаешь, что человек в спортзале не просто время убивает, он там живет. Движения у него резкие, пружинистые.

Я замираю на секунду, сканируя силуэт, и вдруг из глубин памяти выплывает знакомый оскал. В голове мгновенно прокручивается тот день после выпускного, когда наши пути разошлись окончательно и, как казалось, бесповоротно.

Я, правильный мальчик из хорошей семьи, потащил документы в приемную комиссию универа, нацелившись на престижный ВУЗ.

А Димка... Димка, махнув рукой на аттестат, сгреб вещички и через неделю уже стригся «под ноль» на призывном пункте, выбрав армейскую лямку вместо лекционных залов.

– Димка?! Ты, что ли? – голос сам собой теплеет, выбивая из головы остатки ночной меланхолии.

– Илюха! Твою мать, глазам не верю! – он в два шага сокращает дистанцию, и мы сшибаемся в крепком мужском рукопожатии, которое переходит в жесткий хлопок по плечу. Рука у него тяжелая. – Охренеть… – Димка отстраняется, оглядывая меня с ног до головы, и в его глазах вспыхивает тот самый бесшабашный азарт, который я помню еще по школьным дракам за гаражами. – Сколько лет, сколько зим! Живой, чертяка!

– Да всё путем, – я невольно усмехаюсь, чувствуя, как внутри просыпается старое пацанское братство. – Ты-то какими судьбами здесь? На таком аппарате?

Я перевожу взгляд на его тачку. Черный внедорожник хищно поблескивает боками в свете редких фонарей. Не новье, из тех моделей, что выпускались лет пять-семь назад, но вылизана до блеска, на широких катках, с глухой тонировкой.

И сам Димка Русских... он стал другим. В школе это был шумный, задиристый пацан, который лез на рожон по любому поводу, но сейчас передо мной стоял Мужик. В нем появилась какая-то пугающая собранность. Взгляд стал тяжелым, цепким, будто он моментально оценивает обстановку.

– Ты вообще как сам? Чем дышишь? – спрашиваю я, пытаясь нащупать прежнего Димку.

Я-то думал, он где-нибудь в ЧОПе впахивает, а тут... внедорожник, вид крутой.

– Да нормально всё, – он ухмыляется. – Живу помаленьку. Кручусь. А ты?

– Универ закончил, – я пожимаю плечами, стараясь не кичиться своим достижением перед другом, выбравшим другой путь. – Диплом получил, сейчас вот думаю, куда приткнуться. На военную кафедру, кстати, пролез, так что армия меня стороной обошла.

Димка прищуривается, и в этом прищуре сквозит что-то хищное, волчье. Опыт, которого у меня нет и, надеюсь, не будет.

– О как... Значит, без пяти минут офицер?

– Ну, типа того.

– Ну да, ну да… – Димка усмехается. Он сплевывает в дорожную пыль и смотрит на меня так, будто знает правду, которую я сам от себя прячу, за баррикадой из учебников и зачетов. – Это ты зря, Илюха. Сильно зря.

– В смысле? – я напрягаюсь. – Что не так?

Димка отходит на шаг, небрежно кивает подбородком в сторону ревущего внедорожника.

– Садись. Прокатимся, перетрем за жизнь.

Я на секунду замираю. Мой дом, вот он, за поворотом, там уже ждет уют, тишина и предсказуемое завтра. Но в этом внезапном предложении Димки есть какой-то вызов, привкус опасной свободы, по которой я, сам того не осознавая, изголодался за годы лекций и зачетов.

– Черт с ним, – роняю я. – Давай.

Я обхожу массивный нос машины и проваливаюсь в глубокое кожаное кресло пассажирского сиденья.

Димка рывком втыкает передачу, и машина, мягко рыкнув, выруливает на пустую дорогу.

Пару минут мы едем в молчании.

– Ты где сейчас осел? – спрашиваю наконец.

– Служу, – бросает он, не отрывая взгляда от дороги.

– Где именно?

Он на мгновение поворачивает голову, и я натыкаюсь на его холодный взгляд.

– Там, Илюха. Там.

Я всё понимаю без лишних слов. Уточнять географические координаты в таких случаях дурной тон.

– И как оно? – задаю я вопрос, который звучит глупо, но ничего другого в голову не идет.

– Как тебе сказать… Скучать некогда. Там всё честно. Либо ты, либо тебя. Зато… – он делает паузу, крепче сжимая руль, – зато там чувствуешь, что живешь по-настоящему. Каждая секунда имеет вес. А здесь… здесь всё какое-то пластмассовое.

Я молчу, переваривая эту горькую правду. Он вдруг резко крутит руль, сворачивая в темный, заросший тополями двор старой пятиэтажки. Машина замирает, двигатель глохнет, оставляя нас в звенящей тишине.

– Выходим, – командует он.

Мы садимся на щербатую деревянную лавку у подъезда. Ночь обволакивает нас, где-то на верхних этажах бубнит телевизор, создавая иллюзию мирной жизни, но между нами этой иллюзии нет. Димка достает из кармана помятую пачку крепких сигарет, щелкает зажигалкой и протягивает мне.

Я качаю головой, глядя на огонек.

– Не курю.

– Правильно, – он глубоко затягивается, выпуская густой столб дыма в ночное небо. – Береги здоровье. Оно тебе еще пригодится. Только вот вопрос, а для чего бережешь?

Я не нахожусь сразу с ответом. Димка молчит пару секунд, изучая моё лицо, откидывает окурок. И после коротко бросает мне:

– Пошли ко мне. Хватит на лавке задницу морозить.

Мы поднимаемся в его квартиру. Холостяцкое логово, где из мебели только самое необходимое, зато всё функционально и по делу. Он сноровисто, по-армейски быстро накрывает на стол: какая-то нарезка, хлеб, консервы.

Разговор течет сам собой. Я расслабляюсь. Хмелею.

– Ну реально, ты чего здесь тухнешь, Илюх? – качает головой Димка.

– Да в смысле! У меня здесь девушка любимая, родители.

– И что дальше? – он рывком открывает окно, впуская в комнату ночную прохладу, и снова закуривает, выпуская дым в темноту. – Работать пойдешь потом в каком-нибудь душном кабинете за копейки, от звонка до звонка. Ты серьёзно этого хочешь?

Я хмыкаю, пытаясь защитить свой понятный, выстроенный мир, но слова звучат как-то неубедительно даже для меня самого:

– Ну а что делать? Жизнь такая. Все так живут.

– Родину защищать надо, – говорит он убийственно спокойно и уверенно.

Я смотрю на него, пытаясь поймать тень иронии, но её нет.

– Ты это серьёзно?

– А что? – он пожимает широкими плечами. – У тебя мозги работают как надо. Кафедра за плечами, база есть. Тебе там, в нормальном деле, самое место. Не бумажки перекладывать, а решения принимать, от которых жизнь зависит.

Димка наклоняется вперёд, гасит сигарету о край пепельницы, и его взгляд становится тяжёлым.

– Я сейчас парней набираю. Своих. Проверенных, тех, кто с головой дружит. Группа должна быть как один кулак.

– И?

– И деньги там другие, Илья. Не те подачки, что тебе в офисе предложат. Сможешь хату купить сразу, родителям помочь, Тому свою обеспечить так, чтоб ни в чём не нуждалась.

Он резко открывает шкаф, достаёт какую-то коробку и, не глядя, бросает мне на колени. Я ловлю её. Она неожиданно тяжёлая. Открываю. Внутри, на тёмном бархате, лежат медали. Боевые.

– Это… – я поднимаю на него взгляд, чувствуя, как по спине пробегает холодок.

– Моё, – коротко бросает он. – За честную службу.

Я провожу пальцем по острому краю звезды, и внутри что-то глубоко запрятанное, мужское, первобытное, начинает резонировать с этим холодным металлом.

– Илюх, – он подаётся ещё ближе. – Там не про киношную романтику. Там про мужиков. Про то, что ты каждое утро просыпаешься и точно знаешь, зачем ты здесь. Ты чувствуешь своё предназначение на этой земле.

Он достаёт телефон, быстро листает галерею.

– Смотри сюда.

Экран светится, показывая фото. Группа парней с обветренными лицами и дерзкими улыбками.

Кто-то затягивается сигаретой, прислонившись к борту БТРа, кто-то с автоматом.

– Видишь? – он указывает пальцем в экран. – Это Санька. Помнишь его? С нашего двора, через два дома жил.

Я вглядываюсь в запылённое, но довольное лицо.

– Да ладно… Санёк?

– Он самый. А вот этот хмурый. Серый. Узнаёшь?

Я узнаю их всех. Это наши пацаны. Те, с кем мы дрались район на район, с кем гоняли мяч до темноты. Свои.

– Они уже там, – добивает Димка. – И чувствуют себя на своём месте. Они делают историю, пока ты учишь графики спроса и предложения.

Я смотрю на фото, и вдруг понимаю, что меня цепляет вовсе не пачка купюр и не блеск медалей. Меня бьёт под дых это чувство локтя. Братство. Свои люди, которые делают одно большое, опасное, но настоящее дело. Они там, в самом пекле жизни, а я здесь...

– Ну и? Что скажешь? – спрашивает он, откидываясь на спинку стула и давая мне время переварить.

Я откидываюсь назад, чувствуя, как в голове всё путается.

– У меня Тома, Дим. Мы планировали… свадьбу.

Он усмехается, но без злобы, скорее с пониманием.

– И что, будешь возле ее юбки всю жизнь? Ты думаешь, ей нужен муж, который будет всю жизнь считать копейки и жалеть об упущенном шансе?

– Да она не отпустит. Устроит истерику, свяжет по рукам и ногам.

– А ты не говори ей всей правды, – Димка пожимает плечами, будто предлагает самое простое решение. – Скажи: вахта. Поехал на Север или в Москву на закрытый объект, охранником или спецом по логистике. Деньги большие, связь не всегда есть. Кто проверять будет? Звонить ей будешь исправно, сообщения ванильные писать.

Я смотрю на него, поражённый простотой этой лжи.

– А родители? Отец не дурак, поймёт.

– Тем более не говори. Им спокойнее будет знать, что ты при деле и в безопасности. У нас пол-отряда так делает. Матери в возрасте, зачем им лишние седые волосы? Будут думать, что сын карьеру строит.

Он делает паузу, давая мне представить эту картину.

– А потом ты вернёшься, Илюх.

– И?

– И всё. Ты уже не будешь тем мальчиком с дипломом. Ты вернёшься Мужиком. С опытом, который не купишь, с деньгами, на которые построишь ей любой замок, и с уважением, которое будет читаться в глазах любого встречного. Ты героем вернёшься, Илья.

Слово «герой» звучит в этой маленькой кухне непривычно весомо. Оно кажется чужим, но внутри на него что-то откликается. Застарелая жажда подвига, заложенная в каждом пацане ещё с детства.

Я снова смотрю на экран телефона. На ребят. На Саньку и Серого. Они там. Вместе. А я здесь, один в своей «правильной» жизни.

И вдруг я чувствую, как эта мысль впивается в мозг. Меня начинает тянуть туда. Не логикой, не расчётом, а чем-то гораздо более глубоким и тёмным. Тем самым инстинктом, который гонит волка из тёплого логова в ночной лес.

– Подумай, – говорит Димка, убирая телефон и вставая, чтобы закрыть окно. – Но недолго.

Я киваю, но в глубине души уже знаю: дело не в «подумать».

Он зацепил меня за самый живой нерв. И эта мысль о «другой» жизни теперь просто так меня не отпустит. Она будет грызть меня изнутри каждую минуту, пока я не рискну.

Глава 19

Я отмахиваюсь от того разговора с Димкой почти сразу.

Его слова не прошли мимо, а, наоборот, зацепили ту самую мужскую жилу, которая жаждет опасности, проверки на прочность и внятного смысла. Но я слишком хорошо знаю, что такие мысли, как заноза. Если прокручивать в голове, они начнут разрастаться и портить всё, что тебе дорого. А я умею отрезать лишнее.

У меня есть понятные, осязаемые планы. Есть Тома. И это перевешивает любой призрачный «героизм».

Через пару недель мы с Тамарой съезжаемся, перевозим коробки в однушку на самой окраине. Квартира скромная, но нам там чертовски хорошо. Потому что это пространство — наше. И теперь мы всегда вместе.

Практически ккаждое утро я лежу, закинув руки за голову, и смотрю, как Тома, сонная и взъерошенная, бредет на кухню в моей футболке, которая болтается на её хрупких плечах.

Она забавно щурится от первого солнца и гоовит нам завтрак. В такие моменты в груди разливается приятное тепло.

Вот она — моя женщина. Вот он — смысл, ради которого стоит впахивать.

Я поднимаюсь, подхожу к ней сзади и обнимаю, смыкая руки на животе. Она сначала смешно фыркает, ведя плечом, но тут же расслабляется, откидывая голову мне на грудь.

– Мы с тобой поженимся, – говорю я ей прямо в изгиб шеи.

– Конечно, поженимся, – соглашается, накрывая мои ладони своими. – Только сначала накопим. На нормальную свадьбу, на платье. Чтобы всё по-человечески.

И мы начинаем откладывать. Каждый месяц, понемногу, ужимаясь в мелочах ради большой цели.

Я вгрызаюсь в работу. С моим дипломом быстро понимаю суровую правду, что твои корочки без опыта — это просто цветной картон.

Никого не волнует, что ты там заканчивал, всем нужен результат здесь и сейчас. И я начинаю с самых низов. Обычный логист в пыльном офисе. Бесконечные звонки, таблицы, накладные, разруливание проблем с водителями, которые вечно опаздывают или теряются на трассе.

Зарплата — смех, едва хватает на аренду и еду. Но я вцепляюсь в эту работу зубами. Я понимаю, что если сейчас дам слабину, если не вытащу нас из этой однушки, дальше болото засосет окончательно.

Я задерживаюсь до темноты, учусь на ходу, перехватываю чужие задачи, становясь незаменимым. Начальник, старый тертый калач, сначала смотрел на меня со скепсисом, мол, еще один «белый воротничок» пришел пересидеть.

Но со временем он начинает мне доверять. И у меня начинает получаться. Тяжело, со скрипом, но я вижу прогресс. Постепенно обрастаю кожей профессионала.

Мы уже присматриваем кольца в витринах, обсуждаем будущую ипотеку, строим наш маленький, безопасный мир...

Ровно до того момента, пока в один из серых будничных вечеров в моем кармане не начинает вибрировать телефон...

Отец никогда не позволял себе слабости. В моем детстве он был скалой. Если у него что-то болело, он просто крепче сжимал челюсти. Если на работе наваливались проблемы, то становился еще молчаливее, но никогда не перекладывал этот груз на нас.

Поэтому, когда в трубке раздался надломленный голос матери, внутри меня всё оборвалось. Я еще не знал подробностей, но уже натягивал куртку, понимая, что случилась какая-то беда.

– Илюш… ты можешь приехать? В первую городскую…

Диагноз в кабинете врача прозвучал оглушительно. Термины сыпались на меня градом. Показатели, гистология, стадия. Я слушал это медицинское многословие, но мозг вычленял только главное: время работает против нас. Нужна операция. Не завтра, а вчера. И уровень сложности такой, что в обычной городской больнице это превратится в лотерею со смертью.

– По ОМС мы вас, конечно, запишем, – врач устало листал карту. – Но очередь на полгода вперед. А сроки… сами понимаете, у нас их нет.

– А если платно? Здесь и сейчас?

Сумма, которую он озвучил ударила под дых. Это не были просто «большие деньги». Для меня, начинающего логиста в однушке на окраине, это была стоимость полета на Луну. Невозможная цифра.

Я вышел в коридор и тяжело опустился на лавку. Мама села рядом, маленькая, внезапно постаревшая, и накрыла мою ладонь своей дрожащей рукой.

– Мы что-нибудь придумаем, сынок… Дачу продадим, займем…

Я кивнул. Просто потому, что мужчина в этой семье теперь я. Потому что я сын, и я обязан быть этой самой скалой. Но внутри была выжженная пустота. Я лихорадочно считал в уме: наши с Томой накопления на свадьбу, остатки зарплаты, возможные кредиты… Арифметика была безжалостной. Не сходилось. Никак.

Через пару дней, снова сидя в больничном коридоре, я невольно подслушал разговор соседа по очереди. Крепкого мужика лет пятидесяти, который бодро рапортовал кому-то в трубку:

– Да всё, решили вопрос! По линии ведомства провели, в их местный госпиталь перевели… У них там свои квоты, свое оборудование. У военных с этим быстро. Своих не бросают...

Эти слова вонзились в мозг и остались там пульсировать. Вечером дома Тома встретила меня с настороженностью во взгляде. Она видела всё по моему лицу, по тому, как я избегаю взгляда.

– Сколько, Илья? – спросила она прямо, когда я наконец заговорил об операции.

Я назвал цифру. Она медленно села на край дивана, и я увидел, как в её глазах страх борется с упрямством.

– Мы найдем. Я с мамой поговорю. На заочное переведусь. Устроюсь еще на одну работу… Мы вытянем, слышишь?

Ага. И угробишь свою жизнь и своё будущее из-за меня...

Мне стало тошно от собственной беспомощности. Я смотрел на неё, такую хрупкую, готовую взвалить на себя этот непосильный груз ради моего отца, и понимал, что не позволю ей этого сделать.

Ночью сон не шел.

Я лежал, уставившись в потолок, а в ушах набатом гремел голос Димки из того вечера: «Родину защищать надо… С деньгами проблем не будет… Ты Мужиком вернешься… У военных свои льготы...»

Я яростно отталкивал эту мысль. Нет. Только не это. Я обещал Томе быть рядом, у меня перспективное будущее...

Но реальность скалилась мне в лицо пустым кошельком и тикающими часами в больничной палате.

Утром я вышел на балкон. Взял сигарету, первую за все годы, и достал телефон. Имя «Димка Русских» жгло экран. Палец замер над кнопкой «вызов», а потом нажал.

– Да, – Димка ответил мгновенно, будто ждал этого звонка все эти недели. Я сглотнул ком в горле.

– Это Кравцов.

Тишина на том конце была недолгой, а потом я услышал знакомую, хищную ухмылку:

– Ну, наконец-то проснулся.

– Мне нужна работа, Дим. Прямо сейчас.

– Понял. Я тебе адрес скину, приезжай завтра к двенадцати.

– Подожди… – я перебил его, чувствуя, как мосты за спиной начинают рушиться. – У отца беда. Нужна сложная операция. Срочно. И госпиталь… мне сказали, через вас можно быстрее.

Димка не стал разводить демагогию. Он сразу перешел на язык фактов, который я так ценил.

– Сделаем. У нас в ведомственных клиниках лучшие хирурги. Поставим твоего старика на ноги по высшему разряду, забудь про очереди. Но ты сам понимаешь, Илья… в этой жизни за всё нужно платить делом. Просто так квоты не раздают.

Я закрыл глаза. Перед глазами проплыли лица: измученный отец, плачущая мама, Тома в моей футболке на кухне… и цифры, бесконечные цифры счетов.

– Да. Я в курсе.

Контракт я подписываю быстро, почти не глядя в мелкий шрифт, словно эта спешка может заглушить инстинкт самосохранения. Ручка скользит по бумаге, оставляя жирный след, который в одно мгновение перечеркивает мою прошлую жизнь с ее графиками поставок и офисными интригами. Впереди сухие вопросы особистов, медосмотр.

Я выхожу на улицу сжимая в кулаке копию бумаг. Воздух кажется слишком разреженным. Теперь дороги назад нет, мосты сожжены, и впереди только неизвестность, упакованная в камуфляж и жесткий устав.

Домой я возвращаюсь поздно.

Тома на кухне — этот образ, который я столько раз прокручивал в голове как символ своего покоя, теперь режет по живому. Она стоит у плиты, помешивая ужин, и оборачивается на звук шагов.

– Ты где так долго был? – спрашивает она, и в её тоне проскальзывает тень обиды. – Я звонила три раза, телефон был недоступен.

– По работе, Том. Забегался, – я разуваюсь, прохожу на кухню и тяжело опираюсь руками о край стола.

Секунда тишины затягивается. В этот момент я принимаю самое сложное решение в своей жизни. Я выбираю ложь. Первую, настоящую ложь, которая ляжет фундаментом между нами.

– Мне предложили вахту, – произношу на удивление ровно.

Она замирает с лопаткой в руке.

– Вахту? Сейчас?

– Да, – я смотрю в окно, не выдерживая её прямого взгляда. – Москва. Закрытый объект, всё четко. Платят в три раза больше, чем я сейчас получаю.

Я называю сумму, ту самую, что прописана в контракте за боевые выходы. Тома медленно садится на табурет, её лицо бледнеет.

– Илюш… это правда такие деньги? – в её голосе смешиваются дикая радость и интуитивная тревога.

– Да, Том. Это шанс. За пару месяцев мы не просто вылезем из долгов, мы закроем вопрос с операцией отца. И на свадьбу останется, на ту, о которой ты мечтала.

Она закрывает лицо руками, и я вижу, как подрагивают её плечи.

– Господи… – шепчет она. – Наконец-то… я знала, что выход найдется и тебе обязательно повезет.

Я киваю, чувствуя, как внутри всё выгорает.

– Да. Повезло.

– А долго тебя не будет?

– Пару месяцев. Может, чуть больше, если зацепимся.

Она молчит, и я буквально кожей чувствую, как в ней идет война. Она хочет вцепиться в меня, запереть в этой однушке и никогда не отпускать, но она слишком любит моих родителей и слишком верит в наше будущее, чтобы сказать «нет».

– Я так не хочу, чтобы ты уезжал, – говорит она искренне и тихо. – Сердце не на месте.

Я делаю шаг, сокращая те несчастные полметра, что ещё отделяют нас. Сгребаю её в охапку, прижимаю голову к своей груди так крепко, чтобы она слышала только стук моего сердца, а не видела того, что сейчас плещется в моих глазах.

– Это временно, малыш. Всего лишь работа. Заработаю и сразу вернусь.

Тома отстраняется, заставляя меня встретиться с ней взглядом. Её глаза два глубоких омута, полных слёз и какой-то отчаянной, детской надежды. В них столько любви, что мне хочется зажмуриться.

– Обещаешь? – голос её срывается. – А может… может, мне перевестись? С тобой поехать? Я там устроюсь куда-нибудь… Дорого там, да, снимать? Тебе-то питание и жилье предоставят, объект всё-таки… Ну да… Чего это я. Глупости несу. Это всё от волнения, Илюш.

Она начинает суетливо оправдываться, кусая губы, и в этой её готовности бросить всё и ехать за мной в неизвестность — вся её суть. А я стою и чувствую, как внутри нарастает тот самый гул. Тот монотонный шум, который скоро сменится свистом пуль и криками в рацию.

– Это временно, слышишь меня? – я беру её лицо в свои ладони. – Мы любим друг друга. Мы всё это пережуём и выплюнем. Просто подожди меня немного, и клянусь, мы больше никогда не расстанемся.

Я целую её в лоб, в закрытые веки, в кончик носа, пытаясь запомнить каждую черточку, каждый её вдох.

И в этот момент я отчетливо осознаю, что трещина в нашем «навсегда» началась не с подписания контракта. Она поползла прямо сейчас. С этой фразы. С этого «обещаю», которое я уже никогда не смогу выполнить.

Я уезжаю одним человеком, а вернется... совсем другой.

Глава 20

Тамара

– Ты видела? Нет, ты это видела?! – Вера не просто заходит, она буквально влетает в мой кабинет, вышибая дверь с таким грохотом, будто за ней гонится стадо бизонов, и плевать она хотела на субординацию.

В руке у нее телефон, глаза полыхают каким-то безумным коктейлем из паники и плохо скрытого желания стать свидетелем грандиозного скандала.

– Верунь, выдохни немного, у нас здание не горит, – отзываюсь я максимально ровно, хотя внутри уже начинает ворочаться нехорошее предчувствие, потому что с таким лицом обычно приносят новости о конце света или внеплановой проверке налоговой.

– Если бы горело, было бы проще! – она почти суёт мне экран смартфона в переносицу. – На, любуйся! Глянь, какая «звезда» к нам заплыла!

Нехотя забираю у нее гаджет, хмурюсь и тут же натыкаюсь взглядом на ту самую блондинку, которая была тогда с Ильёй.

Ксюша. Королева фильтров и вылизанных ракурсов.

В кадре всё по канону: идеальный свет, «правильная» сторона лица, а на заднем плане немецкое авто, натертое до такого блеска, что в нем можно прыщи рассматривать. Она вещает. Четко, с расстановкой, работая на камеру.

– …я просто в шоке, понимаете? Я в тотальном шоке от уровня сервиса в этом месте, – цедит она, кривя губы в отрепетированном презрении. – В городе, где конкуренция на каждом шагу, люди до сих пор застряли в каком-то средневековье…

Вера над ухом зудит, как заведенная муха:

– Тома, ты понимаешь масштаб катастрофы? У неё сто тысяч подписчиков, я специально залезла проверить! Там уже в комментариях такая помойка началась, её все местные паблики репостят! Нас же с дерьмом сожрут!

Я не отвечаю, молча досматривая этот шедевр драматургии.

– …ребенок, который, извините меня, ведет себя как дикарь, прыгает вокруг, плюется в машину… и, что самое поразительное, это вообще никого не смущает! Ни персонал, который просто хлопает глазами, ни, как выяснилось позже, само руководство этого… заведения, – она делает паузу, многозначительно вскидывая бровь.

Я чуть сильнее сжимаю телефон.

– …а когда мы в максимально корректной форме сделали замечание, – продолжает она, нагло втирая своей аудитории откровенную чушь с таким видом, будто ей только что плюнули в святую воду, – вместо извинений мы получили порцию хамства и полное игнорирование.

Я смотрю на экран и чувствую, как у меня начинает дергаться веко. «Максимально корректная форма» в её исполнении вчера выглядела как истерика базарной торговки, которой не доложили сдачи, но на камеру она само воплощение задетого достоинства.

– Все ссылочки и адрес я приложу, мои хорошие, – воркует она, и я прямо вижу, как у неё в голове щелкает счетчик охватов. – Просто искренне не понимаю, как можно так относиться к клиентам. И уж тем более к людям, которые, между прочим, защищают эту страну, пока такие вот «бизнесвумен» наживаются на нормальном сервисе…

Я резко вскидываю голову, обрывая этот поток пафосного бреда.

– Подожди… что она сейчас несет? Каким боком тут защита страны?

Вера испуганно моргает, переступая с ноги на ногу.

– Вот я тоже, Тома, ни черта не поняла! Она там дальше вообще на святое замахнулась.

Я снова утыкаюсь в экран. Ксюша делает театральную паузу, картинно поправляет локон и наклоняется чуть ближе к камере. Её голос становится тише, вкрадчивее, с этой противной фальшивой хрипотцой.

– …я не люблю об этом говорить, вы же знаете, мы не кичимся подобным, но мой мужчина — человек, который прошёл многое. И видеть такое неуважение к нему… к герою… это просто недопустимо.

В груди что-то резко, до боли сжимается. Вот же ж...

Ставлю видео на паузу. Изображение Ксюши замирает с приоткрытым в фальшивом прискорбии ртом.

– Она сейчас это серьёзно? – чеканю раздраженно. – Она реально решила разыграть карту «жены защитника»?

– Серьёзно, – выдыхает Вера, и в её глазах я вижу настоящий страх. – И это ещё не всё, Том… Там в комментариях уже просто ядерный взрыв.

Она быстро забирает телефон, листает вниз и открывает ветку обсуждений. Я смотрю в экран, и на меня выливается ушат отборного, концентрированного дерьма. Грязь. Тонны липкой, зловонной грязи от людей, которые нас в глаза не видели, но уже готовы вынести приговор.

«Закрыть эту шарашку к чертям, обнаглели в край!»

«С дикарями-детьми в приличные места вообще пускать нельзя, пусть в лесу сидят!»

«Позорище руководству, ни грамма уважения к нашим героям!»

«Ни ногой туда больше, и всем знакомым рассылку сделаю!»

Я пролистываю дальше, и с каждым комментарием внутри меня медленно, но неотвратимо поднимается холод. Это не истерика, не желание забиться в угол и зарыдать от несправедливости. Нет. Это та самая холодная, расчетливая злость, которая обычно просыпается во мне, когда отступать больше некуда.

– Мы с самого утра комментарии прикрыли, – тараторит Вера в волнении. – Они же попёрли валом, Тома! Просто не остановить! И записи… записи посыпались. Три клиентки на завтра уже отказаались…

Я медленно выдыхаю. Мой салон. Моё выстраданное детище, которое я по крупицам, по ночам, сцепив зубы, вытаскивала из небытия. Пока эта «икона стиля» полировала свои зубы в дорогих стоматологиях, я считала каждый рубль на аренду, баюкая на руках ребёнка и пытаясь не сдохнуть от усталости между маникюрами и закупками расходников.

И вот теперь какая-то... блогерша с надутыми губами и армией хомяков в подписчиках просто заходит в мой дом, вытирает ноги о ковёр и транслирует это дерьмо в прямой эфир под соусом «борьбы за справедливость».

– Мы что делать-то будем? – Вера смотрит на меня так, будто я сейчас либо упаду в обморок, либо начну крушить мебель. – Нас же просто сожрут живьём с таким хейтом.

Я возвращаю ей телефон.

– Разберёмся, Вера. Иди домой, рабочий день закончен, – голос мой звучит ровно, пугающе спокойно.

– Ты точно в порядке? – она медлит, кусая губу.

– Да. Иди, Вера. Мне нужно подумать в тишине.

Она ещё секунду колеблется, потом кивает и уходит.

Я остаюсь один на один с этой грязью. Сажусь за стол, достаю свой телефон и захожу в этот чертов логово пафоса. Профиль этой Ксюши.

Листаю. Фото. Видео. Бесконечные «сторис» с завтраками в постель, отелями и фильтрами, которые стирают с лица не только морщины, но и остатки совести.

И за всем этим лоском железобетонная, сытая уверенность существа, которое привыкло, что его капризы — это закон, а его мнение — истина в последней инстанции.

Я открываю тот самый эфир. Ставлю на начало. Слушаю каждое слово, каждую интонационную яму, каждую фальшивую паузу, в которую она вкладывает свой праведный гнев.

Она вещает про «неуважение», про моего сына, которого она окрестила «диким», и, наконец, вытаскивает свой главный козырь — «героя».

Я ставлю на паузу. Герой.

Откидываюсь на спинку стула и смотрю в серый потолок. Илья Кравцов. Твой мужчина — герой.

Что же ты за человека из себя вырастил, Илюха, если рядом с тобой пригрелась вот эта ядовитая дрянь, считающая, что имеет право уничтожать чужие жизни ради охватов?

Я сжимаю губы так, что они белеют. Нет. Сейчас это не про него. Прошлого не вернёшь, а Илья — это просто тень из другой жизни. Сейчас это про неё. Про женщину, которая решила, что может зайти в мой бизнес, нахамить моему персоналу, а потом публично размазать меня по стенке просто потому, что у неё есть трибуна и «священный статус».

– Ну что, Ксюша… – тихо говорю я в пустоту кабинета, и в моём голосе прорезается недобрый, саркастичный смешок. – Давай знакомиться поближе. Посмотрим, из чего ты сделана на самом деле, когда фильтры отключаются.

Подписки, старые посты, комментарии, отметки. Мне нужно понять её язык, её страхи и те ниточки, за которые она дергает свою аудиторию. Если она решила играть в «публичную казнь», то я тоже умею играть.

Просто я не блогер, я — человек, который привык выживать в реальности, где за каждое слово приходится отвечать не лайками, а делом. И если она думает, что я буду извиняться перед камерой, утирая слезы, то её ждёт очень неприятный сюрприз.

Реализм этой жизни таков: когда нападают на твой дом, ты не договариваешься. Ты уничтожаешь угрозу.

Глава 21

Ну что тут скажешь? Да, в общем-то, и нечего. Классический набор «успешной жизни», упакованный в стандартную обертку.

Профиль у Ксюши до зевоты предсказуемый: бесконечный парад одинаковых лиц, губ и локаций, где индивидуальность стёрта фильтрами.

Фото из ресторанов, где еда — это только реквизит, сторис из отелей, в которых она, судя по всему, только и делает, что меняет халаты, машины, охапки безвкусных роз и, конечно, селфи под тем самым «идеальным» светом, который должен скрывать отсутствие мыслей в глазах. Подписи под всем этим добром с густым, липким налётом пафоса из серии «я знаю себе цену» и «люблю только лучшее».

Я пролистываю ленту, и в голове сами собой ставятся галочки: деньги в семье водятся давно, привычка быть пупом земли вбита на подкорку, а связь с реальной жизнь отсутствует абсолютно. Она искренне верит, что мир обязан вращаться вокруг неё.

Я погружаюсь глубже в «архивные» слои этой глянцевой жизни. Мелькают старые кадры, семейные посиделки. Конечно же, папа — типичный «решала» старой школы, по его лицу видно, что он ворочает немалыми бюджетами. Мама — ухоженная до лоска дама с тем особым выражением лица, которое говорит окружающим: «Мы не такие, как вы, мы из другого теста, подороже».

Ксюша — типичный продукт тепличных условий. Девочка, которой никогда не приходилось считать копейки до зарплаты, которая не знает, каково это выбирать между новыми сапогами и оплатой аренды. Ей просто не объяснили, что в этой жизни за всё приходится платить, и иногда валюта — это не папина кредитка, а твоя собственная шкура.

Я кручу ленту дальше, палец уже готов закрыть приложение, и тут я натыкаюсь на него.

Всего одно фото. Снято со спины, как будто случайно, но ракурс выверен так, чтобы подчеркнуть мощь. Высокий, развернутые плечи, рука небрежно в кармане костюма. Чёткий, литой силуэт, который невозможно спутать ни с чьим другим.

Я замираю. Воздух в кабинете внезапно становится густым. Мне хватает одной секунды, одного мимолётного взгляда на линию затылка, чтобы узнать его.

Блокирую экран, бросаю телефон на стол и прикрываю глаза, пытаясь унять внезапную дрожь.

– Ну конечно… – шепчу зло я самой себе.

Какого черта? Но даже спустя столько лет я узнаю его из тысячи. Пусть даже в комнате будет темно, и определять можно будет только на ощупь...

Судя по датам, они вместе около года, максимум, чуть больше. Мозг лихорадочно сопоставляет факты, и один пазл наконец встаёт на место: это не она. Не из-за этой девицы он тогда исчез из моей жизни, не к ней он уходил, разрывая все связи.

Это осознание бьет под дых неожиданно сильно, вышибая остатки кислорода, но, вопреки всякой логике, легче не становится. Наоборот, внутри разливается какая-то липкая, черная гадость. Значит, не было там никакой «великой трагедии» или роковой любви, ради которой стоило рушить мир? Значит, просто головушку кобелине затуманило, инстинкты перевесили совесть, и он просто… ушел.

А я? Я в это время тянула лямку, вгрызаясь в каждый день, как цепная собака. Растила сына одна, глотая слезы, ночами не спала, баюкая температурящего ребенка, пока от меня даже родная мать отвернулась, не простив «позора».

А он в это время что? Спустя годы встретил Ксюшу, а до нее, небось, была еще целая армия Маш, Глаш и Даш. Пил, кутил, гулял в свое удовольствие, высыпался в чистых постелях и ел вдоволь, пока я считала рубли на подгузники.

Вот это я себя разогнала! Меня начинает трясти от этой несправедливости, первобытной и злой. Я резко встаю и начинаю мерить шагами кабинет, едва не сшибая стул.

Жаль, что Кравцова сейчас нет рядом. Ох, как жаль! Я бы ему сейчас высказала всё, что копилось эти годы, и, видит бог, не ограничилась бы словами, с превеликим удовольствием съездила бы по этой его холеной, «геройской» морде.

Герой он, посмотрите на него! Ветеран постельных фронтов!

И теперь он, на пару со своей пустоголовой блогершей, решил уничтожить моё дело? То единственное, что кормит меня и его собственного сына? То, что я выстраивала на руинах своей жизни, пока он «искал себя» в чужих объятиях?

Я снова открываю её профиль, и теперь всё это «великолепие» вызывает у меня только рвотный рефлекс. Смотрю на экран холодным, пренебрежительным взглядом. Теперь я вижу суть: за всем этим информационным шумом, постановочными картинками и визгливым голосом — абсолютный, звенящий ноль. Там нет личности, нет хребта, там только набор заезженных клише и бездонные папины возможности.

И вот эта женщина, эта глянцевая обложка, решила, что имеет право прийти в мой бизнес, качать права, а потом публично смешивать меня с грязью?

Я криво усмехаюсь, и в этой усмешке голый, неприкрытый реализм женщины, которую жизнь била так долго, что научила бить в ответ.

– Щас! Не на ту напали, деточка, – зло цежу я сквозь зубы. – Мне папочка дорожки не стелил и счета не оплачивал. И сейчас я решу эту проблему лично.

Ставлю телефон на штатив, тщательно выверяя угол. Поправляю волосы. Не ради кокетства, а чтобы ни одна выбившаяся прядь не дала повода зацепиться этой лощеной кукле. Смотрю в линзу камеры. Сейчас это глаза тысяч людей, которых она попыталась отравить своей ложью.

Нажимаю «запись». Секунда оглушительной тишины, в которой слышно только мое дыхание. Поехали.

– Добрый вечер, – голос звучит непривычно низко, спокойно, без малейшего намека на ту бурю, что клокочет в душе. – Меня зовут Тамара. Я владелица того самого салона, о котором сегодня так эмоционально вещали в сторис.

Я делаю паузу, давая зрителю рассмотреть мое лицо. Лицо женщины, которая отработала весь день и жутко устала. А не позирует на фоне машин.

– На днях у нас действительно произошла неприятная ситуация. Мой ребенок повел себя неправильно. Я не собираюсь уходить от ответственности и, как мать, это признаю. Но взрослые люди тем и отличаются от детей, что обязаны держать себя в руках. Даже если им что-то очень сильно не нравится. В моем салоне не принято оскорблять клиентов, это закон. Но я никогда не позволю оскорблять своих сотрудников и тем более чужих детей.

Я чуть подаюсь вперед, сокращая дистанцию. В голосе прорезается холодная сталь.

– Что касается громких слов про «неуважение» и прикрытия именами «героев»… Знаете, уважение не требует истеричного крика на публику. Настоящие сильные мужчины, как правило, говорят за себя сами. И уж точно не используют женщин как рупор для своих мелких обид.

Я выдерживаю паузу, глядя прямо в «зрачок» камеры.

– Тем более, мы были готовы решить вопрос на месте. Без лишнего шума оплатили бы мойку, если она была так необходима. Но конструктивный диалог закончился, не начавшись, перейдя, то мой кабинет всегда открыт. Не в виртуальном пространстве, а в реальности. Приходите. Поговорим вживую.

Я даже слегка улыбаюсь.

– И кстати. Если вы хотите увидеть наш салон своими глазами, познакомиться с мастерами, которые работают здесь годами, и понять, за что нас любят постоянные клиенты, то я

приглашаю вас на день открытых дверей. Устроим девичник. С кофе, консультациями и честными разговорами.

Теперь я улыбаюсь открыто. Не для Ксюши, а для нормальных людей, которые умеют отличать правду от дешевого хайпа.

– Приходите. Буду рада каждому из вас.

Тянусь к экрану. Стоп. Только после того, как гаснет красный огонек, я позволяю себе шумный выдох. Выкладываю.

Первые секунды ничего не происходит. А потом… телефон в руке превращается в вибрирующий кусок пластика. Раз. Два. Десять. Уведомления сыплются градом. Я моргаю, не веря глазам. Экран разрывается от сообщений.

– Это что еще за… – шепчу я, открывая директ.

«Запишите на стрижку, поддерживаю вас!» «Обязательно приду на девичник!» «Вы молодец, не давайте себя в обиду этой мажорке!»

Я откидываюсь на спинку стула и коротко, нервно смеюсь.

– Ну здравствуй, обратка. Получай, фашист, гранату.

Быстро печатаю Вере: «Завтра выходим на час раньше. Будет завал. Готовь дополнительные смены». Следом: «Подумай над партнерами. Косметика, фуршет. Сделаем из этого инфоповод, который эта блондинка не переплюнет».

Да, это риск. Да, это удар по бюджету. Но если я сейчас выверну ситуацию в свою пользу, я не просто спасу салон. Я создам ему имя, которое не купят никакие охваты.

Откладываю телефон и смотрю на стену напротив. С этой девицей я закончила. Она — пыль. Но… это ведь не вся история.

Снова открываю её профиль. Нахожу то самое фото со спины.

– А вот с тобой, Кравцов… у меня будет отдельный, очень долгий разговор, – тихо произношу я в пустоту. – Потому что если уж мы заговорили о воспитании и ответственности за поступки… то в первую очередь эти счета я предъявлю тебе.

Я качаю головой, чувствуя, как на губах играет предвкушающая усмешка.

– Ты мне, родной, слишком много лет задолжал. И проценты по этому кредиту тебе очень не понравятся.

И это уже не про бизнес. Это про жизнь, которую ты когда-то переехал своим эгоизмом. А не нужно было меня трогать. Ушел и прощай. Нет же. Девку свою не смог заткнуть, теперь это твои ппроблемы. В конце концов, почему только я должна страдать и всю жизнь расплачиваться за твою любовь?!

– Козел… – выдыхаю я почти нежно.

Глава 22

Илья

Вечер проходит в привычном режиме. Я сижу на диване с ноутбуком на коленях, полностью погруженный в работу.

Таблицы, графики, бесконечные ряды цифр.

За окном огни города уже сливаются в одну тусклую линию.

Из спальни доносится голос Ксюши. Громкий, неестественно поставленный, с театральными вздохами. Она не просто говорит, а транслирует. Живет напоказ, выставляя каждый свой чих как событие мирового масштаба.

Я в это не лезу. У каждого свои интересы. У меня — фуры и склады, у неё — охваты и лайки. Пока её «контент» не трогает меня, мне плевать.

Я лениво кликаю мышкой, перебрасывая груз с одной точки на другую, прикидывая риски. Но до меня всё равно доносятся обрывки ее жаркого монолога:

– …абсолютно дикая ситуация, мои хорошие…

– …я просто не могу оставить это без внимания…

Я даже бровью не веду. Мало ли, в каком ресторане ей сегодня принесли остывший латте или чей взгляд показался недостаточно почтительным. Но паузы становятся короче, а интонация всё выше, приобретая ту самую визгливую ноту, которая предвещает скандал.

– …и я не собираюсь молчать, когда речь идет о достоинстве! – чеканит она.

Я продолжаю вбивать данные, игнорируя нарастающий пафос. До тех самых пор, пока дверь в спальню не распахивается с таким грохотом, будто её вынесли штурмом.

– Вот же сука! Ты посмотри на неё! Она ещё и огрызается!

Я особо не реагирую. Медленно, сохраняя спокойствие, закрываю крышку ноутбука. И только потом поднимаю на нее свой взгляд.

Ксюша стоит в дверях, и её буквально трясет. На щеках горит пятнистый румянец ярости. Она сжимает телефон так, будто это горло её злейшего врага, и в этот момент в её глазах я вижу не просто каприз, а настоящую, концентрированную злобу.

Молча и тяжело смотрю на нее. Жду, когда этот фонтан иссякнет сам собой, но чувствую: на этот раз «втихую» отсидеться за таблицами не получится. Что-то пошло не по ее сценарию.

– Что случилось? – спрашиваю ровным тоном.

Она тут же подлетает ко мне. Именно подлетает, наэлектризованная, как высоковольтный кабель под дождем. В глазах шальной блеск, смесь обиды и какого-то торжествующего ужаса.

– Это правда?! Ты мне ответь, это правда или нет?!

Я хмурюсь, медленно откладывая ноутбук на журнальный столик. Внутри уже начинает ворочаться тяжелое, нехорошее предчувствие.

– Ксюш, конкретней. Что именно должно быть правдой?

Я не повышаю голос, не дергаюсь, но спина непроизвольно выпрямляется. Потому что её состояние — это не очередная «трагедия» из-за отвалившегося страза. Это что-то личное.

Она начинает лихорадочно листать ленту, пальцы то торопливо тыкают в экран, то соскальзывают.

– Вот! – она почти впечатывает смартфон мне в переносицу. – Вот это читай!

Я перехватываю её руку, чтобы она перестала трясти телефоном перед моими глазами. Перевожу взгляд на экран.

Какой-то свежий аккаунт. Ник — Lera_V_S. Ни аватара, ни истории, просто набор букв. Но текст комментария под её последним постом бьет наотмашь, без предупреждения.

«Стрёмно, когда мужик решает отомстить бывшей через свою новую. Ксюш, ты хоть понимаешь, что тебя просто используют как рупор, чтобы побольнее ударить ту, которую он до сих пор забыть не может?»

Я моргаю. Секунда. Другая. В голове картинка не сходится, как будто пазл от одной игры пытаются впихнуть в другую. В груди становится тесно, а воздух в комнате внезапно кажется спертым, как в закрытом блиндаже.

– Это что за бред? – бросаю требовательно.

– Это вот эта… – Ксюша запинается, пытается выговорить ник, путаясь в буквах. – Лера… Короче, какая-то мразь вылезла в комментариях! Я сначала подумала, что это просто очередной хейтер из тех, что завидуют, написала ей, чтобы она лесом шла… а она… она реально про тебя знает...

– О чём ты? – перебиваю ее сухо. – Где ты это вообще взяла?

Она запинается, вся ее уверенность и злость моментально улетучивается.

– В… ну… в комментариях там… – Ксюша неопределенно машет свободной рукой, а второй продолжает судорожно сжимать телефон.

– В каких именно? – я не свожу с неё взгляда.

– Да какая разница, Илья! Мало ли что там пишут…

Выразительно смотрю на нее. Всё. Прямо сейчас для неё закончился уютный вечер с любимым мужчиной. Она явно сделала что-то и я должен это знать.

– Большая разница.

Ксюша начинает юлить. Слишком суетливо. Врёт так, как врут дети, когда разбили дорогую вазу. Глупо и очевидно.

– Ну в моих... в сторис... под постом... – она путается, голос срывается. – Там какие-то левые люди начали писать, боты, наверное...

– Ксюша.

Я произношу её имя тихо, почти шёпотом, но она замирает, как по команде «смирно». В этом шёпоте ярости больше, чем в крике.

– Где именно это было?

Она кусает губу. Я вижу, как в глубине глаза мелькает настоящий, животный страх. Она бегает глазами по углам, ищет выход из ситуации.

– Да неважно, Илья... серьёзно... я уже всё почистила, удалила, это просто вброс хейтеров...

– Где?

Ксюша делает шаг назад, инстинктивно пытаясь разорвать дистанцию.

– Я же говорю — неважно...

– Покажи.

– Да там уже нет ничего, я же сказала — удалила!

– Ксюша.

Пауза раздувается, заполняя всю комнату. Она смотрит на меня и наконец понимает, что я не отстану. Я выжму эту правду, даже если мне придется сидеть здесь до рассвета.

– Это в эфире было… – выдыхает она наконец, и плечи её заметно опускаются.

Я киваю, принимая информацию. Короткий, деловой жест.

– В каком именно?

Она пробует улыбнуться. Нервно и очень жалко.

– Да я уже выключила… забей, там охваты были плохие…

– Включи запись.

– Илья, ну зачем тебе это… – она переходит на скороговорку. – Там уже всё, люди разошлись, я просто ответила паре идиотов, и всё, закрыли тему, пошли лучше ужинать…

Я молча протягиваю руку к телефону. Она инстинктивно сжимает его сильнее, прижимая к груди, словно там спрятан компромат на всю её жизнь.

– Я сказал: включи.

Она не отдает. Секунду мы стоим так, сцепившись взглядами. Я забираю аппарат. Без рывка, без грубости, просто аккуратно извлекаю его из её пальцев, но делаю это так, что выбора у неё не остается. Сопротивляться мне, всё равно что пытаться остановить гидравлический пресс.

Ксюша тут же начинает быстро, сбивчиво говорить, переходя на заискивающий тон:

– Ты только не злись, ладно? Илюш, я просто… я же за тебя всегда… я не могла молчать, когда нас так принизили… я защищала твою честь!

Я уже не слушаю этот белый шум. Пальцы быстро находят сохраненную запись эфира. Открываю. Ксюша рядом начинает мелко подрагивать, её парфюм внезапно кажется мне удушающим. А поведение очень раздражает.

– Илья, ну правда… да пофиг вообще, что там эта сумасшедшая несла… это никто, просто какая-то закомплексованная баба… я просто хотела, чтобы все знали, какой ты у меня…

Я нажимаю на кнопку воспроизведения. Экран загорается, полоска загрузки бежит вправо. Поднимаю взгляд на Ксюшу. Смотрю на нее спокойно и холодно. Так смотрят на препятствие, которое нужно устранить.

– Помолчи.

Она затыкается. Резко. Словно ей выключили звук. Я опускаю глаза в экран. Еще не включая звук, просто смотрю на её лицо в кадре. Перекошенное от праведного гнева, сдобренного лайками.

Ксюша даже не осознала, что сделала. Она вскрыла нарыв, который я старательно скрывал годами.

Запись стартует.

Глава 23

Я смотрю это видео, и с первой же секунды понимаю — зря.

Не надо было это открывать. Но я смотрю.

Ксюша в кадре захлёбывается собственной значимостью. Несет что-то про салон, про «неуважение», про «дикого ребёнка», который якобы покусился на её священную собственность. А потом вытаскивает главный козырь.

– …мой мужчина — герой, и я не позволю…

Я сжимаю челюсть. До отчетливого скрипа зубов. Пальцы сводит на корпусе телефона. Это не разговор. Это словесный понос, дешевое шоу, разыгранное перед камерой ради лайков и восторженных вздохов таких же пустых кукол.

Твою мать, женщина, ну на черта ты везде орешь про этого «героя»? Неужели в твоей голове не щелкает, что ты ставишь меня в идиотское, позорное положение?

Герой… Какое красивое, звонкое слово. Только у меня от него во рту вкус пепла. Да, в сейфе лежит медаль за выполнение боевого задания. Да, я сделал то, что должен был.

Но я не считаю себя героем. Настоящие герои либо остались там, под завалами бетона и пыли, либо молчат так, что их тишина давит на уши.

Я не герой, потому что в тот день я не справился. Потому что Димка, матерясь и захлебываясь собственным потом, тащил мою тушу на себе несколько часов до точки эвакуации.

Если бы не он, я бы сейчас не в квартире с кондиционером сидел, а фаршем кормил червей в безымянной посадке.

Герои, по моему мнению, не возвращаются домой при первой же серьезной травме, пусть даже тебя раздробило так, что врачи собирали тебя как конструктор.

Герои стоят до конца. А я... я просто выживший.

Огрызок той войны, который пытается притвориться нормальным человеком. И видеть, как этим статусом торгуют в интернете, чтобы оправдать склоку в парикмахерской — это тошнотворнее, чем любая контузия.

Я досматриваю до конца. Не перематываю.

Наконец экран гаснет, и в наступившей тишине я слышу только собственное тяжелое дыхание.

Я поднимаю взгляд на Ксюшу. Она стоит рядом, ожидая похвалы или хотя бы слов поддержки, но видит только мой пустой, выжженный взгляд.

Встаю и медленно подхожу к окну. Пару секунд смотру на вечерний город, беру в узду гнев, что клубится в груди.

– Какого чёрта это было? – спрашиваю глухо и ровно, без единого лишнего обертона.

Ксюша знает, что это голос человека, который уже всё решил, и от этого спокойствия ей становится хуже, чем если бы я начал крушить мебель и орать матом.

– Илья, я же для нас… я же просто хотела…

– Нет, – перебиваю я. – Ты сейчас помолчишь. И послушаешь.

Она послушно замолкает. Разворачиваюсь и делаю шаг к ней. Не вплотную, но достаточно близко, чтобы она видела каждую эмоцию в моих глазах.

– Ты на пустом месте раздула публичную помойку, – говорю я, чеканя слова. – Ты трогаешь людей, которых знать не знаешь. Врёшь, подгоняя реальность под свою угоду. И ведёшь себя как базарная баба, которой дали микрофон и безлимитный интернет.

Она моментально вспыхивает.

– Я не вру!

– Врёшь. Ты выставила ситуацию так, как тебе выгодно, и развела скандал на ровном месте.

Я выдерживаю паузу, давая ей прочувствовать степень моего недовольства.

– И хуже всего даже не твоё вранье. Хуже всего то, что ты сделала это за моей спиной.

Ксюша часто моргает от обиды, губы начинают мелко дрожать.

– Я же тебя защищала…

– Нет, – отрезаю я. – Ты защищала своё «я так хочу». Своё ущемлённое эго. Свои грёбаные просмотры. Ты не меня защищала, ты меня подставила. Сделала из меня клоуна в глазах тех, кто реально знает, что такое честь.

Она делает шаг назад, складывая руки на груди

– Это несправедливо… Ты на её стороне? Ты на стороне этой хабалки из салона?

Я не даю ей договорить, пресекая истерику в зародыше.

– Ты сейчас берёшь свой телефон, выходишь в эфир, или как вы это там делаете, и даёшь полное опровержение. И извиняешься.

Она замирает. Смотрит на меня так, будто я заговорил на мертвом языке, которого она никогда не слышала.

– Что?

– Ты. Сейчас. Даёшь. Опровержение. И. Извиняешься, – вбиваю каждое слово, как сваю. – Ты слышишь меня?

– Перед кем? – срывается Ксюша на визг. – Перед кем я должна извиняться?! Перед этой обслугой?

– Перед тем человеком, которого ты публично облила грязью. Перед женщиной, которая это дело строила, пока ты губы качала.

Она нервно смеётся. Резко, почти истерично.

– Ты серьёзно? Ты сейчас заставляешь меня унижаться перед какой-то… – она запинается, в глазах мелькает злость, и она всё-таки выплёвывает это слово: – …перед какой-то пилкой для ногтей?! Илья, ты в своём уме?

– Выбирай выражения, – ледяным тоном предостерегаю ее.

– А ты выбирай сторону! – Ксюша срывается, голос летит вверх, дребезжа от обиды и непонимания. – Потому что я что-то ни хрена не понимаю! Ты сейчас за меня или за эту?! Ты на чьей стороне, Илья?

Я молчу. Просто смотрю на неё, чувствуя, как между нами разрастается пропасть. Она делает шаг вперёд, почти врываясь в моё личное пространство. В глазах блестят злые слёзы.

– А-а-а… – протягивает она вдруг, и её лицо искажается в какой-то нездоровой, торжествующей догадке. – Так это правда?

Я не шевелюсь. Каждая мышца замерла, я превратился в камень, ожидая удара.

– Она твоя бывшая? – она почти шепчет это мне в лицо.

Мы смотрим глаза в глаза. Ксюша ждёт. Она вцепилась в эту догадку, как бультерьер, и я кожей чувствую, как рвутся последние нити, связывавшие нас этот год. В этот момент я отчетливо понимаю: всё. Назад не откатить. Никакие извинения, никакие удаления постов уже не склеят этот хлам.

– Да, – говорю спокойно. Одно короткое слово, которое подводит черту под всем этим глянцевым театром.

Она замирает. Секунда, две. Сначала в её взгляде вспыхивает первобытная, бабская ярость, но потом её вытесняет что-то расчетливое и острое.

– Вот, значит, как… – тихо произносит она, и в её интонациях теперь столько яда, что хватило бы на роту. – Поэтому ты так себя вёл там. Дёргался, за руки меня хватал.

Я не реагирую. Просто стою и смотрю мимо неё, в ту самую пустоту, которую сам же и создал.

– Поэтому ты меня оттуда увёл, чуть не силой! – она переходит на свистящий шёпот. – Поэтому ты сейчас за неё горой стоишь… За «пилку для ногтей», которую ты, оказывается, забыть не можешь!

– Ксюша, – прерываю её. – Мы сейчас не про моё прошлое. Мы про то, что ты влезла не в своё дело, накосячила и подставила меня под удар.

Она медленно качает головой, и на её губах появляется недобрая, торжествующая усмешка.

– Нет, Илья. Мы как раз про это, – она делает шаг вперёд, подбородок выше. – Так может и пацанёнок твой? А что? Что ещё я узнаю потом?

Я чувствую, как внутри всё каменеет. А Ксюша продолжает, срываясь на визгливый, злой сарказм:

– Ты услышь меня тоже. Я ни за что перед твоей бывшей бабой извиняться не буду. Скорее Луна на Землю упадёт. Ты даже можешь пойти и лично перед ней извиниться. На столе её прямо рабочем утешить. Вспомнить былое. Что, Илюш, зацепило?

Я не двигаюсь. Смотрю на неё сверху вниз. И вижу, как её бесит моё спокойствие, как она буквально захлебывается от того, что не может вызвать у меня ответную истерику.

– Закончила? – спрашиваю ровно.

Она фыркает, картинно поправляя прядь волос.

– А тебе есть что сказать?

– Есть.

– Во-первых. Следи за языком. Ещё раз услышу про «бабу» и разговор сразу закончится. Любой наш разговор. Навсегда.

Она пробует усмехнуться, но я вижу, как в глубине её зрачков мелькает страх. Она наконец поняла, что черта пройдена.

– Во-вторых. Ты сейчас пытаешься перевести тему на ревность и мое прошлое. Не получится. Это дешевый прием, Ксюш. Мы здесь не мои отношения обсуждаем, а то, что ты вытворила в прямом эфире.

– Я ничего не перевожу! – срывается она, и в голосе слышны слезы. – Я просто хочу понять, с кем я живу!

– Со мной ты живешь, – отрезаю я.

– Тогда объясни, какого черта ты защищаешь её?!

– Я защищаю не её, а границы. Свои и чужие. Те, которые ты перешагнула, решив, что тебе всё можно.

– Да я просто сказала правду! – кричит она.

– Нет. Ты её выдумала из своей обиды и выдала на камеру ради одобрения незнакомых людей. Это не правда, Ксюша. Это хайп на чужой крови.

Она дёргает плечом, пытаясь вернуть себе маску безразличия.

– Ну конечно. Я — монстр, она — святая мученица.

– Не передёргивай. Не идет тебе.

– А как?! – она уже не сдерживается, в голосе неприкрытая боль. – Ты на нее тогда смотрел так, будто… будто тебе не плевать!

– Мне не плевать на то, что ты делаешь со своим лицом и моей репутацией, – говорю жестко. – Потому что это бьёт по мне. По моей чести. Которую ты сейчас полощешь в сети.

– Ах, по тебе?! – Ксюша нервно смеётся, и это уже чистая истерика. – По тебе? А по мне это не бьёт? Меня там в комментариях уже заплевали, выставили дурой и стервой!

– Ты сама себя выставила.

Она замирает. Глаза расширяются, зрачки сужаются в точки.

– Повтори.

– Ты сама себя выставила дурой и стервой, – повторяю спокойно. – Своим длинным языком и отсутствием тормозов. Ты сама создала этот конфликт, сама вынесла его на публику и сама теперь захлебываешься в последствиях.

– Потрясающе… – шепчет она, и в её голосе появляется звенящая горечь. – Просто потрясающе.

Пауза. Она смотрит на меня, как на незнакомца.

– Значит, я виновата? Во всём?

– Да.

Ксюша в неверии смотрит на меня и ее по щеке катится первая настоящая слеза.

– Ты сейчас серьезно?

– Абсолютно.

Плотная, звенящая тишина заполняет квартиру. Мы стоим друг против друга. Два чужих человека, которых еще утром связывали планы на свадьбу и общий быт.

– Хорошо, – она резко кивает, стирая слезу тыльной стороной ладони. – Знаешь что, Кравцов… иди ты к чёрту со своей моралью. И со своей честью. Я не буду извиняться. Ни перед ней. Ни перед тобой. Ни перед кем. Если тебе так хочется — вперед. Беги. Лично извиняйся. Разгребай это дерьмо, которое ты сам же и заварил своим молчанием. Вспоминай свою великую любовь. А я в этом балагане участвовать не собираюсь.

Она разворачивается и уходит в спальню. Я слышу, как она хватает вещи. Быстро, резко, без разбора. Что-то падает, разбивается флакон духов, и по квартире разносится их тяжелый, удушливый аромат.

Я не иду за ней. Не пытаюсь остановить. Просто стою и смотрю в окно на пустую дорогу. Через минут двадцать она выходит. В руках дорожная сумка. Лицо холодное, каменное.

– Надеюсь, тебе понравится, – бросает она, стоя в дверях. – Возвращаться туда, где тебя не ждут...

Я смотрю на нее в последний раз.

– Закрой за собой дверь. С той стороны.

Она замирает на секунду. В глазах на миг вспыхивает что-то похожее на сожаление, но она тут же гасит его.

– С огромным удовольствием.

Дверь хлопает. Громко. Резко. Звук удара разносится по пустой прихожей, и тишина возвращается мгновенно.

Я остаюсь один.

Беру со стола телефон. Открываю видео, которое записала Тома. Смотрю на нее. На ее усталые глаза. На то, как она держит удар.

– Ну здравствуй, Тома, – тихо говорю я в пустоту. – Кажется, нам действительно пора поговорить.

Глава 24

Тамара

– Ну и зачем ты это сделала? – спрашиваю устало.

Просто смотрю на неё поверх края кружки с остывшим, горьким кофе. Лера сидит напротив, развалившись в кресле с таким видом, будто она не в моем рабочем кабинете, а как минимум в кресле гендиректора корпорации зла.

Нога за ногу, в руке телефон, который вибрирует без остановки, а на лице ее сияет довольная, сытая улыбка кошки, которая только что не просто сожрала всю сметану в доме, но ещё и нагло вытерла усы об парадную скатерть.

– А чего правду-то скрывать, Том? – она картинно пожимает плечами, и эта её лыба становится еще шире. – Страна должна знать своих героев в лицо. А ещё лучше в спину, раз уж он так любит сваливать в туман, когда становится жарко.

Я закрываю глаза, чувствуя, как веки наливаются свинцом. Медленно выдыхаю. Да, Лерка. Всё та же Лерка, которую не исправит ни время, ни здравый смысл.

Резкая, ядовитая и справедливая… ну, в своём специфическом понимании этого слова, которое обычно подразумевает выжженную землю в радиусе километра.

– Ты хоть отдаешь себе отчет, какой ядерный гриб сейчас вырастет над этим городом? – спрашиваю я, ставя кружку на стол с тяжелым стуком. – Ты понимаешь, что ты сейчас не просто комментарий написала, а детонатор выдернула?

– Ой, да уже всё началось, расслабься, – она небрежно кивает на свой смартфон, который буквально раскаляется от уведомлений. – Ты вообще в комментарии заглядывала? Там такая движуха, что твой вчерашний пост на этом фоне невинная детская сказка на ночь. Народ требует крови, зрелищ и подробностей личной жизни «святого семейства».

– Лера… – в моем голосе уже сквозит неприкрытая угроза.

– Да что «Лера»?! – она резко выпрямляется, отбрасывая маску беззаботности. – Тома, ну серьезно, включи голову! Ты реально думала, что эта парочка сама нажмет на тормоза? Да хрен там плавал. Такие, как эта Ксюша, понимают только язык силы. Пока не ткнешь их носом в их же собственное дерьмо, они так и будут считать, что им позволено вытирать ноги об кого угодно и прикрываться статусами, к которым они не имеют никакого отношения.

Я устало провожу ладонью по лицу. Ночь прошла в режиме лихорадочного бреда: сна не было ни в одном глазу.

Я прокручивала в голове тысячи сценариев, готовила салон к штурму, составляла бесконечные списки, вызванивала девочек-мастеров, которые ни черта не понимали, почему им нужно выйти на смену на два часа раньше. Писала поставщикам, выбивая скидки и срочные доставки, пока за окном медленно серел рассвет.

День открытых дверей для всех остальных — это

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.